

УДК 94(47).046-048; ББК 63.3(2)46; DOI 10.21638/11701/spbu19.2016.109

Т. А. Опарина

АЛХИМИК, ЯНЫЧАР И «РОДИЧ ВИЗАНТИЙСКИХ ЦАРЕЙ»: ПАЛЕОЛОГИ В РОССИИ КОНЦА XVI – ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЫ XVII ВЕКА*

В русской традиции род последних византийских императоров, через Софью Палеолог породнившихся с династией Рюриковичей, был овеян легендой¹. Фамилия «Палеолог» вызывала целый комплекс богословских и политических ассоциаций. При обращении к ней строились концепции Москвы как второго Константинополя: византийского наследства, перешедшего к России.

Но следует помнить, что к рассматриваемому периоду императорская династия пресеклась. Ее законные представители или же приняли на родине ислам (сменив имя и утратив связь с Палеологами), или бежали в Италию. Но и здесь линия морейского деспота Фомы Палеолога не оставила мужских потомков. А к 1533 г. угасла династия Палеологов, правящих маркграфством Монферрато. Родословие велось уже по женской линии. Один из ее представителей, Шарль де Невер (Карл I Гонзаго) — акцентирую тот факт, что является потомком Палеологов — активно развивал идею антитурецкого крестового похода.

Но и в Османской империи существовали люди, связывающие свое происхождение с императорским домом. Как только исчезли все прямые потомки Палеологов, появились многочисленные носители этой фамилии. Среди Палеологов этого периода известен даже человек, исповедовавший крайне радикальные протестантские религиозные воззрения. Уроженец Хиоса, наполовину грек, наполовину итальянец, Яков

* Работа подготовлена при поддержке РГНФ, международный проект КЕРИЕ, № 12–21–14001.

Автор приносит глубокую благодарность В. Г. Ченцовой, А. П. Павлову, Лидии Котовани и В. И. Ульяновскому за помощь при работе над статьей.

¹ См.: Ломизе Е. М. Морейский деспотат и Флорентийская уния // Византия. Средиземноморье. Славянский мир. М., 1991; *Chojnicka K. Narodziny rosyjskiej doktyny państwowej: Zoe Paleolog — między Wzancjum, Rzymem a Moskwą.* Krakow, 2001; *Флоря Б. Н.* Греки-эмигранты в Русском государстве второй половины XV – начала XVI вв. Политическая и культурная деятельность // Русско-балканские культурные связи в эпоху средневековья. София, 1982. С. 122–138; *Панова Т. Д.* Великая княгиня Софья Палеолог. М., 2005; *Матасова Т. А.* Софья Палеолог. М., 2016.

Палеолог первоначально стал доминиканским монахом, получил образование в университетах Италии, где перешел в антиринитаризм. Ученый монах-расстрига разработал собственную концепцию, сближавшую христианство и иудаизм. Свои взгляды Яков Палеолог проповедовал в Генуе, Рагузе, Константинополе, Яссах, Праге, Кракове, городах Трансильвании и Моравии. В конечном счете, он был выдан инквизиции и как еретик казнен в Риме в 1585 г.²

Но чаще всего носители фамилии Палеолог происходили из Пелопоннеса, места последнего пребывания Морейских деспотов. В рассматриваемый период Морея при поддержке Венеции сохраняла относительную независимость от Стамбула, здесь постоянно вспыхивали антитурецкие восстания. В частности, идеи Шарля де Невера нашли горячий отклик на Пелопоннесе, особенно у жителей южной части полуострова — маниотов.

Для настоящей темы главное, что в России конца XVI – первой половине XVII в. патриархи Христианского Востока и господа Молдавского и Валашского княжеств воспринимали носителей фамилии Палеолог подлинными представителями императорской династии, уцелевшими в Османской империи и ее вассальных государствах. Эти Палеологи были тесно связаны с фанариотами Константинополя и в большинстве своем концентрировались в Дунайских княжествах³.

Русские власти абсолютно доверяли рекомендациям иерархов Христианского Востока. Им представлялось заманчивым принять под свое покровительство представителей громкой фамилии. Тем самым мессианские концепции переходили в область практических действий. Важнейшей миссией русского монарха виделось и спасение гонимых единоверцев. Другой задачей являлось увеличение Государева двора за счет родовитых иностранцев. Аристократы других государств, войдя в царскую свиту, поднимали престиж русской державы. Привилегированное сословие традиционно пополнялось за счет выезжей знати.

Существуют скудные данные о выездах конца XVI в. При царе Федоре Иоанновиче в 1591/2 г. в России оказался сын воеводы (не ясно, какой области) Мануил Маскополов (Москополов, Мускополович), которого «Новый летописец» назвал «родичем греческих царей»⁴. Д. Ф. Кобеко относил иммигранта к византийской

² Pirnat A. *Jacobus Paleologus // Studia nad arianizmem*. Warszawa, 1959. P. 73–129; *Szczucki L. J. Paleolog // Odrodzenie i Reformacja w Polsce*. T. XI. Warszawa, 1966. S. 63–91; *Dostálová R. Tři dokumenty k pobytu Jakuba Palaeologa v Čechách a na Moravě // Strahovská knihovna: Sborník Památníku národního písemnictví*. 1971. Vol. 5–6. S. 331–360; *Pokluda Z. Jakub Paleolog // Malovaný kraj. Národopisný a vlastivědný časopis Slovácka*. 1994. Vol. 4. S. 5; *Tazbir J. Die Reformation in Polen und das Judentum // Jahrbücher für Geschichte Ostereuropas*. 1983. Bd 31. № 3. S. 375–390; *Zemek P. Jakub Palaiolog — hledač pravdy // Malovaný kraj. Národopisný a vlastivědný časopis Slovácka*. 2003. Vol. 39. Nr 5. S. 6–7; *Rothkegel M. Werdegang des Antitrinitariers Jacobus Palaeologus bis 1561: 1. Teil: Frate Jacobo da Scio und seine Anhänger in der Levante // Acta Comeniana: International Review of Comenius Studies and Early Modern Intellectual History*. 2012. Vol. 26. S. 7–68.

³ *Groot A. The Ottoman Empire and the Dutch Republic. A History of the Earliest Diplomatic Relation 1610–1630*. Leiden; Istanbul, 1978. P. 182; *Székeley M. 1) Paleologii din Moldova // De potestate. Semne și expresii ale puterii în Evul Mediu românesc*. Jassy: Éditions de l'Université «Al. I. Cuza», 2006. P. 525–536; 2) *Structuri de familie în societatea medievală românească // Arhiva genealogică*. 1997. Vol. 4. Nr 1–2. P. 70–116; *Székeley M., Gorovei Ș. Maria Asinina Paleologhina. O prințesă bizantină pe tronul Moldovei*. Putna: Sfânta Mănăstire Putna; Suceava: Editura Mușatinii, 2006.

⁴ ПСРЛ. Т. 14. М., 1965. С. 32.

фамилии Мухополос⁵. Но дары новому русскому подданному были назначены поистине царские:

В прошлом в 100-м году при государе царе и великом князе Федоре Ивановиче всеа Русии выехал на его государево имя греческой воеводин Мануило Маскополов. И дано ему государева жалованья, как был у государя на приезде: кубок двоичат серебрян, золочен, в 3 гривенки; братина серебряна, 2 гривенки; шуба отлас золотной на соболех, 50 рублей; кафтан отлас золотной в 15 рублей; кафтан, камка червчата адамашка, в 7 рублей; опашень зуфной в 4 рубли; однорятка скорлатна с пояском и с пугвицами, в 16 рублей; шапка лисья горлатна черна в 7 рублей; 50 рублей денег; аргамак, конь, мерин. Людем его лутчим 10-ти человеком по 8 рублей, да по сукну по лундышу, да по тафте бурской; 20-ти человеком по 6 рублей денег, да по 2 сукна настрафильных; 21-му человеку по 5 рублей, да по 2 сукна настрафильных⁶.

В 1603 г. в государеву казну из Ярославля было передано имущество иммигранта, вероятно, включающее преподнесенные ранее на царской аудиенции предметы: «Мануйлова рухлядь Москополова, золотые чеши и перстни и суды и сосуды»⁷. Что случилось с греческим аристократом — он умер или же попал в опалу и ссылку — сказать сейчас невозможно⁸.

В свите «родича византийских царей» в Москву приехал Иван Константинов, чуть позже в русских документах именованный Палеологом. Иммигрант получил многочисленные подарки за принятие русского подданства: «Греченину Ивану Костянтинову дано государева жалованья при государе: шуба бархат з золотом на соболех в 45 рублей; кафтан золотной в 17 рублей; однорятка червчата, багрец, в 4 рубли; шапка лисья черна в 4 рубли; кубок двоичат в 3 гривенки; ковш в гривенку; 45 рублей денег; конь, мерин»⁹. При Василии Шуйском знатный «греченин» получал уже довольно скромный оклад в 20 рублей. Иван Константинов Палеолог дожил до царствования Михаила Федоровича, когда в 1615 г. ему выдавалось кормовое жалованье из Владимирской чети¹⁰. Далее информация о нем обрывается.

Переселения «греческой» знати продолжались и при Лжедмитрии I. В 1605 г. в Россию перебрались Андрей Раль (Ралли), очевидно, родственник митрополита Дионисия Ралли¹¹, а также Мануил Кантакузин-Палеолог¹². Последний был наделен поместьем в Московском уезде в Кошелеве сане¹³. Иммигранты значились в боярских списках

⁵ Кобеко Д. Ф. Волошский воеводич Степан Александрович // Известия русского генеалогического общества. Вып. 4. СПб., 1911. С. 31.

⁶ РГАДА. Ф. 35. Оп. 1. № 52. Л. 119–122.

⁷ Опись царского архива XVI века и архива Посольского приказа 1614 г. / Под ред. С. О. Шмидта. М., 1960. Ч. 1. С. 212.

⁸ Флоря Б. Н. Молдавская, валашская и греческая феодальная эмиграция в Русском государстве второй половины XVI – начала XVII вв. // Проблемы источниковедения Молдавии периода феодализма и капитализма. Кишинев, 1983. С. 79–81.

⁹ РГАДА. Ф. 35. Оп. 1. № 52. Л. 119–122.

¹⁰ Сухотин Л. М. Четвертки Смутного времени (1604–1617 гг.). М., 1912. С. 50.

¹¹ Ульяновский В. И. Православный Восток и Московское царство в начале Смуты: духовные миссии/ посольства, проблема восприятия власти, символика даров // SSBP. 2012. № 2. С. 55–90.

¹² Опись Посольского приказа 1626 г. Ч. 1. С. 331; Флоря Б. Н. Молдавская, валашская и греческая феодальная эмиграция в Русском государстве второй половины XVI – начала XVII вв. // Проблемы источниковедения Молдавии периода феодализма и капитализма. Кишинев, 1983. С. 79–81.

¹³ Шватченко О. А. Историко-географические и демографические аспекты истории землевладения служилых иноземцев в России конца XVI – первой половины XVII в. // Труды Института российской истории. 2008. Вып. 7. С. 273–301.

1606–1607 гг.¹⁴ В сентябре 1611 г. Мануйло Кантакузин получил поместья от боярского правительства периода правления принца Владислава¹⁵. Что стало с иммигрантами впоследствии — неясно. Период Смутного времени прервал многие династии иностранцев в России.

Но сохранились достаточно подробные свидетельства о выездах при первых Романовых. По окончании Смуты решил воспользоваться приоритетами властей иммигрант, назвавший себя князем Дмитрием Палеологом и пересекший русские границы в 1630 г. Дело о его выезде велось в Разрядном приказе, в фонде которого до настоящего времени сохранился не полный, но обширный комплекс документов¹⁶, включающий переписку с воеводами Путивля и судебным разбирательством. Согласно отпискам воевод, Дмитрий Палеолог прибыл на русскую границу в сопровождении свиты из 9 человек, но был задержан из-за начавшейся в Речи Посполитой эпидемии — «морового поветрия»¹⁷.

За время длительного пребывания в своеобразном карантине в Путивле между иностранцами произошел конфликт. Дмитрий Палеолог подал донос на сопровождавшего его грека Юрия. Согласно извету, грек решился бежать за рубеж. В условиях подготовки войны с Речью Посполитой подобные действия могли быть расценены только как шпионаж. Воевода задержал Юрия в Путивле до получения специального предписания¹⁸. За это время из Москвы пришло распоряжение впустить группу (без Юрия) на территорию России и под охраной приставов доставить в Москву. Позже пришел наказ из Москвы и о пропуске Юрия.

По прибытии греков в столицу власти начали выяснение личности Дмитрия Палеолога. Он понимал, что играет на сложных чувствах русских властей, связывая свое происхождение с родом последних византийских императоров: «А на Москве Дмитрие Палеолог в роспросе сказал, что род их Палеологи в Греческой земле до турецкого владенья, как греки были не за турки, бывали в царьх». При этом он признал, что после падения Византии императорский род лишился привилегированного положения в Османской империи: «А как турки Царь-город взяли и Греческою землею овладели, и род их Палеологов почели быти да и ныне в простых людех»¹⁹. Рассказывая об обмельчании рода, он изложил конкретные сведения и о своей семье: «И отец иво Дмитриев, Иван Палеолог и ныне жив. А живет в греческом городе в Партеполе (Патрах), от Царягорода тот греческой город 700 верстх. А он Дмитрие жил в том же городе с отцом вместе»²⁰; «да у него ж Дмитрея в Греческой земли со отцом иво оста-

¹⁴ Боярские списки последней четверти XVI – начала XVII в. и роспись русского войска 1604 г. Указатель состава Государева двора по фонду Разрядного приказа / Сост. С. П. Мордовина, А. Л. Станиславский, В. И. Буганов. М., 1979. Ч. 1. С. 260.

¹⁵ Сухотин Л. М. Земельные пожалования в Московском государстве при царе Владиславе в 1610–1611 гг. М., 1911. С. 74–75; *Сторожев В. Н.* Русская история с древнейших времен до Смутного времени. М., 1898. Вып. 2. С. 90.

¹⁶ Очевидно, именно об этих документах идет речь в описи Разрядного приказа 1668 г., сохранившей указание на «выход» иностранца: «Дело 139 года о выезде в Путивль греченина Дмитрея Иванова сына Палеолога и отца ево духовного чорного попа Игнатъя с товарищи» (Описи архива Разрядного приказа XVII в. / Подготовка текста и вступительная статья К. В. Петрова. СПб., 2001. С. 497).

¹⁷ РГАДА. Ф. 210. Оп. 13. Стб. 42. Стб. 1.

¹⁸ РГАДА. Ф. 210. Оп. 13. Стб. 48. Стп. 1. Л. 155–158.

¹⁹ РГАДА. Ф. 210. Оп. 13. Стб. 37. Л. 503.

²⁰ РГАДА. Ф. 210. Оп. 13. Стб. 37. Л. 503.

лось жена да дети: сын 26 лет да 2 дочери девки, одна 22 лет, другая 20 лет, а жена де за ним гречанка ж, он отец у ней служилои человекъ, что и отец иво Дмитриев»²¹.

Таким образом, представители императорской фамилии в Османской империи выступали «служилыми людьми» (сипахами?), вступая в брак с равными по статусу фамилиями. Следует помнить, что занятие любой военно-административной должности в Османской империи предполагало принадлежность к исламу. Но Дмитрий не должен был быть мусульманином, чистоту его веры доказывало присутствие духовного отца — черного священника Игнатия.

Следует отметить, что Дмитрий Палеолог был единственным иммигрантом за первую половину XVII в., взявшим с собой в далекую страну пастыря: «А тому де полтора года будет, сказався он отцу своему, и, взяв с собою в греческой же город в Сакихе в Пречистельском монастыре отца своиво духовново чорново попа Игнатя да девяти человекъ людеи, поехал на государево имя». В «Волоской земле» к ним примкнул старец Макарий. Лишь торговая деятельность позволяла сохранить православное вероисповедание. Дмитрий Палеолог, как оказалось, мог примерять на себя и роль купца, легко переходя к коммерции: «И в дороге он, едуци в литовских городех сказывался торговым человеком». Иностранец заявил, что рассчитывает перевести в Россию семью: «И государь ево пожалует, и за ним де и жена иво и дети, хотя у турок окупаясь, на государево имя будут. А сына де он ждал за собою х Крещению, да не бывал, чает в дороге замешкался»²². Он ожидал появления сына в ближайшее время.

Чтобы утвердиться в России и претендовать на вхождение в привилегированное сословие, иностранцу необходимо было доказать свою знатность. Существовало два варианта подтверждения родovitости приезжего человека, зачастую они пересекались.

В отношении выезжих греков власти с особым доверием относились к рекомендательным письмам восточных патриархов. У Дмитрия Палеолога греческих грамот не оказалось. Отсутствие столь важных для правительства бумаг он объяснял скрытностью планов и масштабностью замыслов: «А от царяградцково патриарха грамоты он не взял, что поехали ис Царягорода утоясь, чтоб про него ни кому ведомо не было. А у благословения у патриарха (Кирилла Лукариса?) в Царегороде же де он бывал, и для того грамоты у него не взял, что поехал к государю с тайным делом, да и для проезду от литовских людеи»²³. Писем, тем не менее, не было, а Кирилл Лукарис вскоре очень нелестно отзовется о нем (о чем подробнее ниже).

Вторым вариантом определения статуса были заверения соотечественников, уже осевших в России, так называемых «знатцов». Дмитрий Палеолог был уверен в легкости получения подобных свидетельств, не сомневаясь в поддержке земляков: «А знает ли иво хто на Москве, того не ведает, потому что ни с кем на Москве не видался. А как с кем увидитца, и чает, что знатцы на него будут»²⁴. Но ситуация сложилась иначе.

В случае с Дмитрием Палеологом власти обратились к экспертам, достигшим высокого положения в греческой общине и только что получившим княжеский титул. Главными знатоками в родословных греков были выбраны Иван Альбертус (очевидно, действительный представитель рода Палеологов, но не оглашавший этого

²¹ РГАДА. Ф. 210. Оп. 13. Стб. 37. Л. 505.

²² РГАДА. Ф. 210. Оп. 13. Стб. 37. Л. 505.

²³ РГАДА. Ф. 210. Оп. 13. Стб. 37. Л. 505.

²⁴ РГАДА. Ф. 210. Оп. 13. Стб. 37. Л. 506.

факта властям) и Анастас и Федор Алибеевы-Макидонские. Иван, в английском варианте — «лорд Джон Альбертус шляхтенново прирочения»²⁵, или «капитан Ыван Гильберт»²⁶ — был военным в Англии примерно с 1620 г. Оставив Британию жену-протестантку, наотрез отказавшуюся следовать за мужем в отдаленную державу, он перебрался в Россию в 1628 г. Пройдя миропомазание, он получил титул князя²⁷. Через некоторое время он подготовит для властей пособие по геометрии²⁸. Братья Алибеевы Македонские выехали на «государево имя» в том же, что и Дмитрий Палеолог, 1630 г. Они приняли православие²⁹ и, обладая рекомендательной грамотой иерусалимского патриарха Феофана, были признаны князьями³⁰.

«Знатцом» был задан предварительный вопрос: «И про Дмитрея Палеолога допрашиваны греченин князь Иван Албертус да турчане новокрещены Онастас да Федор Алибеевы дети Макидоновы: что они иво Дмитрея знают ли, и какой он человекъ, и прямо ли он Палеологово роду?»³¹ Была проведена очная ставка. Князя из Османской империи должны были, посмотрев на нового претендента в князья, узнать или не узнать в нем потомка византийских императоров. Однако аристократы предпочли ничего конкретного о Дмитрии Палеологе не говорить.

Князь Иван Альбертус ушел от ответа, сославшись на длительное проживание вдали от родины в Британии. Хотя он и отметил наличие в Партеполе (Патре) представителей древних фамилий Палеологов и Кантакузиных, но заявил, что данного Палеолога он лично не знает: «И князь Иван Альбертус, смотря на Дмитрея, в допросе сказал: ис которово де города он Дмитреи сказываетца, и в томъ де греческом городе в Партеполе Палеологи есть, да и Лар Кантакузины. А тово ли он Дмитреи родства Палеологов, и он иво не знает, потому, что он ис своей земли давно выехал и был в Аглинской земле». При этом сам князь восходил к боковой ветви Палеологов, но предпочел не акцентировать на этом внимания русских властей.

Присоединились к аналогичному выводу и бывшие мусульмане Алибеевы-Макидонские. Причиной своего незнания иностранца они назвали удаленность их города (Янины) от Партеполя (Патр): «Новокрещены Онастас да Федор Макидоновины в допросе сказали, что ни иво Дмитрея не знают. А ис которово города он сказываетца, ис Партаполя, и тот де город от их города, где они Онастас и Федор жили, ездуднищ с три»³².

Итак, все трое «знатцов» в один голос заявили, что никогда не знали Дмитрия Палеолога, и, соответственно, не подтверждали его слов о высоком происхождении. Несомненно одно: Дмитрий Палеолог не принадлежал к среде греков, имевших устойчивые контакты с Россией.

²⁵ РГАДА. Ф. 52. Сношения с Грецией. 1628 г. № 22. Л. 2.

²⁶ РГАДА. Ф. 52. 1629 г. № 1. Л. 11.

²⁷ О нем подробнее см.: Кошелева О. Е., Симонов Р. А. Новое о первой русской книге по теоретической геометрии и ее автор // Книга, исследования и материалы. Сб. 42. М., 1981. С. 63–73; Опарина Т. А. «Исправление веры греков» в русской церкви первой половины XVII в. // Россия и Христианский Восток. Вып. II–III. М., 2004. С. 288–325.

²⁸ Кошелева О. Е., Симонов Р. А. Новое о первой русской книге... С. 63–73.

²⁹ Опарина Т. А. «Исправление веры греков»... С. 288–325.

³⁰ Позже их высокий статус подтверждал Павел Алеппский. Он называл их сыновьями одного из пашей Румелии (стран Балканского полуострова под Османским управлением).

³¹ РГАДА. Ф. 210. Оп. 13. Стб. 37. Л. 507.

³² РГАДА. Ф. 210. Оп. 13. Стб. 37. Л. 507.

Перебираясь в далекую страну, Дмитрий Палеолог самонадеянно рассчитывал на быстрый и безоговорочный успех. Очевидно, ему казалось, что он обладает всеми необходимыми для этого условиями. Он вступал в границы России как потомок византийских императоров, для подкрепления статуса собрал свиту, подтверждением благочестивости было наличие в свите духовного отца и старца. Но главное — он ехал с целью поразить воображение русского правительства грандиозным планом. При пересечении границы он говорил о «тайном деле», а в столице изложил свои предложения. Он подготовил текст — «речи», который направил царю Михаилу Федоровичу. Проект, по его мнению, в случае реализации был способен изменить геополитическое положение России, в корне перекроить карты на мировой арене: «А поехал он Дмитрие к государю с прямою правдою. А что за ним дело и тому он подал речи, и толко де государь пожалует, велит речам иво поверить, и все де враги и недруги иво государевы попраны будут, и коруна иво государева во веки прославитца. А он Дмитрие, государю вчной слуга»; «А как де государь по иво речамь, каковы он подал, иво пожалует...» К сожалению, текст его проектов неизвестен. Мы ничего не знаем о необыкновенных планах грека в России.

Это мог быть военный проект. Например, план завоевания Константинополя чуть позже передаст царю Михаилу Федоровичу другой греческий иммигрант (отправленный за свои предложения в Мангазею)³³. Но наиболее вероятно, грек предлагал с помощью алхимических практик существенно пополнить царскую казну. В преддверии Смоленской войны он рассчитывал найти поддержку царя в получении золота с помощью «философского камня» — магического кристалла. Обещанные сказочные богатства должны были обеспечить победу в готовящейся военной кампании. Как покажут более поздние документы, в Москве «князь» Дмитрий Палеолог занимался опытами с философским камнем. В любом случае, послание Дмитрия Палеолога не встретило понимания у верховной власти.

Чиновники Посольского приказа не решались дать согласие на предоставление русского подданства столь подозрительному «выезжему греченину». Дмитрий Палеолог явно вызывал у них сомнение, за время разбирательств так и не были оформлены жалованье за выезд и поместьно-денежный оклад. В период затянувшихся проверок вокруг Дмитрия Палеолога разрастался круг тяжб. На него в столице последовали многочисленные доносы. Результат следственного дела о Дмитрие Палеологе и его спутниках, проведенного в Разряде, зафиксирован в отдельном столбце³⁴. Традиционно все дела иностранцев в России разрешались в Посольском приказе, и именно туда направляли доносы уже осевшие в России соотечественники Дмитрия Палеолога. Как явствует из документов, многие распоряжения в отношении Дмитрия Палеолога исходили из Посольского приказа, например, грамоты о ссылке в Томск и Казань. В коллекциях Посольского приказа они не сохранились. Вся документация, связанная с человеком, в России представившемся носителем фамилии «Палеолог», находится в фонде Разрядного приказа.

В свите Дмитрия Палеолога усилилось напряжение и противостояние. Миряне из его окружения оказывались случайно набранными людьми, в большинстве своем

³³ Опарина Т. А. От Царьграда до Мангазеи: сибирская ссылка для «освободителя» Константинополя // Россия и Христианский Восток. Вып. IV–V. М., 2015. С. 228–246.

³⁴ РГАДА. Ф. 210. Оп. 13. Стб. 37. Л. 501–528.

встретившимися в Молдавском княжестве и Речи Посполитой. Они распались на отдельные группы и последовательно подавали жалобы на Дмитрия Палеолога. Доносы шли и со стороны греческой общины Москвы, явно обеспокоенной прибытием иммигранта. Всплыли самые неблагоприятные поступки его спутников.

Два человека из его свиты — Степан Александров и Николай Петров сын Скулариков — оказались мошенниками. Их опознали в Москве некие греки, заявив, что под видом архимандрита и монаха они уже въезжали в Россию для получения «милостыни»: «И из них два человека: Степанко Олександров, Миколайко Скулариков по извету гречан же, что Степанко на перед того приезжал к Москве из Греческие земли в черненческом платье архимаритом, а Микулайко так же был на Москве в черненческом платье, и государево жалованье выгнали воровством»³⁵; «и Степанко Олександров и Миколайко Скулариков по извету на Москве гречан же, что приезжали они наперед того из Греческие земли в черненческом платье Степанко архимаритом, а Миколайко простым чернецом. И государево жалованье имали воровством»³⁶. К сожалению, неясно, когда они притворно приезжали под видом духовных лиц и получали пожертвования для своих несуществующих обитателей. Извет осевших в России греков был подан, в соответствии с существующими нормами судопроизводства, в Посольский приказ. Очевидно, там было проведено расследование и вынесено незамедлительное решение: «И по государеву указу Степанко Олександров и Миколайко Скулариков ис Посольсково приказу посланы в Сибирь в Томской город, а велено их написать в служивые люди, потому что извет на них был в Посольском приказе»³⁷; «И ис Посольсково приказу посланы в Сибирь в Томской город. Отпуск об них в Посольском приказе»³⁸. Уже в Сибири власти подтверждали, что Дмитрий Палеолог, Степан Александров и Николай Петров (Скулариков) были хорошо знакомы друг с другом. Их связывало много лет странствований по разным странам: «что они ходили с ним (Дмитрием) по многим государствам»³⁹.

Следующим судебным эпизодом стало возобновление дела Юрия (Александрова) о попытке бегства из Путивля. Сейчас в Москве Юрий заявил о ложности обвинения Дмитрия Палеолога в свой адрес и передал решение на усмотрение властей. Чуть позже за него заступится Кирилл Лукарис⁴⁰.

На Дмитрия Палеолога появился донос и о неоплаченном долге. Сопровождающие его Юрий Стогат и Иван Дмитриев теперь заявляли, что никогда не нанимались к нему на службу, а были купцами, имеющими собственное дело. Встретившись в «Мутьянской земле» (Молдавском княжестве), торговцы заняли Дмитрию Палеологу внушительную сумму в 1070 золотых. Но Дмитрий не вернул им деньги в указанный срок. Коммерсанты смогли представить заемный документ на греческом языке, переведенный переводчиком Посольского приказа Анастасом Селунским.

В деле о долге появляется упоминание о важнейшем предмете. Купцы заявляли, что Дмитрий Палеолог обладал необыкновенным алмазом, под залог которого они и давали деньги в долг. Дмитрий Палеолог обещал незадачливым купцам, что продаст

³⁵ РГАДА. Ф. 210. Оп. 13. Стб. 37. Л. 514.

³⁶ РГАДА. Ф. 210. Оп. 13. Стб. 37. Л. 522.

³⁷ РГАДА. Ф. 210. Оп. 13. Стб. 37. Л. 514.

³⁸ РГАДА. Ф. 210. Оп. 13. Стб. 37. Л. 522.

³⁹ РГАДА. Ф. 214. Сибирский приказ. Стб. 89. Л. 682.

⁴⁰ РГАДА. Ф. 52. Оп. 1. 1634 г. № 1.

камень в Москве в царскую казну и сможет вернуть необходимую сумму: «А сказывал он у себя камень, что везет тот камень к государю к Москве, и как де государь пожалует, велит ему за тот камень деньги дати, и он де имь за те золотые заплатит деньгами. И тем их и обманул. А какой камень и цена тому камени не сказал»⁴¹; «сказывал имь у себя камень, а какой камень, того не ведают»⁴². Власти обратились с допросом к Дмитрию Палеологу: «Что ему он тово посулил и тот камень, что он у себя сказывал, где ныне у него на Москве и какой камень»⁴³. Находчивый иностранец ответил туманно: «А камень де у него был велик олмаз, да как де убили турсково царя Асмана Салтана и казну всю розграбили, и про тот де камень учили в Царегороде про него сказывать, и называть иво царевою казною. И он тот камень оставил во Царе-городе у друзей, а с собою иво к Москве не взял»⁴⁴. Таким образом, Дмитрий Палеолог отказался предъявить властям драгоценность, которая, по слухам, происходила из казны султана. Он сослался на то, что спрятал алмаз в Стамбуле у друзей.

Выслушав все доносы и рассмотрев последовавшие за ними результаты очных ставок, не получив драгоценность, власти постановили отправить оставшуюся группу греков в ссылку в Казань: «И 139 июня в 19 день государь царь Михаил Федорович и отец его духовных святейший Филарет Никитич патриарх Московский и всеа Руси указали Дмитрия Палеолога, что на Москве прямо ли он Палеологово родства знатцов никою не бывало, и отца иво духовново греческово чорново попа Игнатья и старца Мокарья, и людеи иво гречан, что с ним приехали, и которые на него в долгу били челом: Юрья Стомата и Ивана Дмитриев, и Юрья Олександрова, Юшку Юрьева, Осташку Дмитриева, Ондрюшку Миколаива, Пронку Остафыва послати в Казань. И в Казани поставити на дворех, где пригож. И для бережения приставити к ним сына боярсково добра, да с ним быти по 5 человек стрельцов, чтоб они и с Казани безвесно не розлились и дурна над собою какова не учинили. И память в Казанской Дворец о Дмитрее Палеологе послана такова»⁴⁵. Иммигрант находился в ссылке в окружении других греков.

Следствие над Дмитрием Палеологом имело резонанс и стало известно высшему духовенству Восточной Церкви. Константинопольский патриарх Кирилл Лукарис откликнулся посланием, в котором коснулся и личности Дмитрия Палеолога. Он подтвердил правильность вынесенного русскими властями решения и счел действия правительства совершенно справедливыми. В послании от 1633 г. к царю Михаилу Федоровичу и патриарху Филарету Никитичу глава Вселенской церкви жестко охарактеризовал иммигранта и его окружение, полностью одобрив ссылку: «К великому твоему царствию и преблаженству твоему в некоторое время приехал един человек именем Дмитрий Палеолог, лихой и злой человек и имел с собою некоторых безумных людей гречан, да с ним же был некоторый греченин же Юрьи от Варны, и за вину они сосланы, и то сделано праведно и свято». Далее он просил выпустить из России к родным Юрия (Александрова), которого он называл как «Юрий из Варны». Следует отметить, что, столь жестко критикуя поступки Дмитрия Палеолога, патриарх не опро-

⁴¹ РГАДА. Ф. 210. Оп. 13. Стб. 37. Л. 517.

⁴² РГАДА. Ф. 210. Оп. 13. Стб. 37. Л. 523.

⁴³ РГАДА. Ф. 210. Оп. 13. Стб. 37. Л. 525.

⁴⁴ РГАДА. Ф. 210. Оп. 13. Стб. 37. Л. 527.

⁴⁵ РГАДА. Ф. 210. Оп. 13. Стб. 37. Л. 528.

вергал его принадлежности к роду Палеологов и не говорил о подложном княжеском титуле.

Кроме того, обнаружились интересные детали и о другом спутнике Дмитрия Палеолога — Андрее Николаеве (Ондрее Миколаеве). Он входил в число семи человек, сосланных в Казань вместе с Дмитрием Палеологом. Об этом Андрей Николаев напомнил властям: «Во ... 138 году прибрел от своєї стороны, от Греков, к ... Москве ... и мне ... на Москве в Посольском приказе роспросу в том не было и выходу ... не дано. А как я прибрел ... к Москве и пристал на дороге в Литовской стороне к греченину к Дмитрею Иванову сыну Палилогу. И иво Дмитрея тово ж году по ... государеву указу сослали в Казань за опалу. А меня ... взяли с ним же Дмитрием напрасно»⁴⁶. Пребывание вдалеке от родины, на южных границах России оказалось крайне тягостно для грека: «И я терпел многое время всякие нужи и скитался меж двор». Спустя тридцать лет казанской ссылки Андрей Николаев решил раскрыть «тайну» своего рода. Он сообщил казанскому воеводе, что целью его поездки являлось исполнение последней воли отца: «Прибрел я ... к великому государю сказати великому государю слово отца своиво, что отец мой мне сказал и благословил, отходя сего света, ийти мне к великому государю к Москве».

Только сейчас Андрей Николаев позволил себе сделать достоянием гласности «слово отца своиво», произнесенное им на смертном одре. По словам Андрея Николаева, умирающий отец позволил себе рассказать сыну о великом предке: «отец велел сказать тебе великому государю, что мы царьского колена, царя Александра Макидонского». Таким образом, «наследника» Палеолога сопровождал «наследник» Александра Македонского. «Царственных потомков» объединила Россия и казанская ссылка.

Но еще ранее у московских судебных инстанций возник интерес к Дмитрию Палеологу. Камень, который был так важен для властей, нашелся. Алмаз обнаружили в 1633 г. в Томске. В делопроизводстве Сибирского приказа сохранилось любопытное свидетельство об алхимических занятиях грека в России. Его опубликовал Н. Н. Оглоблин⁴⁷, введший источник в научный оборот. К сожалению, до настоящего времени ученые располагают лишь этим фрагментом переписки Москвы, Казани и Томска по поводу магических практик. Дошел черновой отпуск третьей царской грамоты из приказа Казанского дворца (на тот момент управлявшему Сибирью) в Казань к воеводам И. П. Шереметьеву и М. А. Вельяминову. Мы не знаем первой грамоты 1633 г. к царю воеводы кн. И. Ф. Татевы (томский воевода с 1631 по 1633 гг.), известившего о произошедшем; ни последовавшего из Москвы ответа того же года; ни грамоты от 17 февраля 1636 г. к воеводам в Казань (оставшейся без ответа). Главное, не известно следственное дело. В распоряжении исследователей лишь один документ⁴⁸ — черновой отпуск повторной царской грамоты, датируемый после 18 июля 1636 г. в Казань и являющийся частью некогда проведенного расследования. Его может дополнить сохранившаяся в Разрядном приказе документация о фигурантах этого следственного дела, как и о привезенном ими в Россию ценном предмете. На основании этих источников возможно восстановить ход событий.

⁴⁶ РГАДА. Ф. 210. Оп. 12. Севский стол. Стб. 576. Л. 301 (повтор на Л. 302, 303, 304, 305).

⁴⁷ Оглоблин Н. Н. Из архива мелочей XVII в. // Исторический вестник. 1889. № 7. С. 210–211.

⁴⁸ РГАДА. Ф. 214. Стб. 89. Л. 682–683.

Дело об алмазе имело продолжение. Драгоценность на этот раз оказалась собственностью не Дмитрия Палеолога и совсем не была оставлена в Стамбуле. Ее нашел томский воевода И. Татев у лжемонахов Степана Александрова и Николая Петрова (Скуларикова). В царской грамоте напоминалось, что они «по царскому указу сосланы в Сибирь в Томской»⁴⁹. В распоряжении греков находился драгоценный камень, который они именовали алмазом: «А называют де оне тот камень алмаз»⁵⁰. Судя по вниманию властей, камень имел внушительные формы. Конечно, определить минерал сейчас невозможно. Следует отметить, что белый цвет имеют и другие кристаллы — кварц и топаз. Именно они гораздо чаще, чем алмазы, достигают значительных размеров.

Этот камень, привезенный в Россию из дальних странствий, греки посчитали возможным (необходимым?) использовать при приготовлении «философского камня». Наиболее вероятно, магическими практиками они занимались еще до ссылки в Томск. Опыты происходили в Москве, пока шло разбирательство, т. е. между 1630–1631 гг. Получается, что приезжавшие в Москву под видом греческих монахов люди в данный момент пытались достичь цели с помощью алхимии.

Цель их опытов сейчас не может быть ясна, и возможно лишь строить предположения. Они стремились магическим путем повлиять на следствие? Они использовали «философский камень» для достижения грандиозного, но остающегося для нас тайной проекта, «тайного дела», которое, скорее всего, заключалось в получении золота? Они хотели повлиять на судьбу и склонить судей в их пользу?

Безусловно лишь, что рецепт, судя по последующим обвинениям, был знаком Дмитрию Палеологу. Надо полагать, подобными практиками он занимался и ранее. Степан Александров и Николай Петров попросили Дмитрия Палеолога опустить кристалл в смесь. Тем самым, возможно, они решили усилить действие состава или же, напротив, проверить качество камня. Лжекнязь «по их велению» бросил алмаз в раствор. Он выполнил желание земляков, но произошло непредвиденное. Камень потерял свои качества: «А испортил де тот камень нарочно философскою наукою по их велению греческой княз Дмитрей Палеолог»⁵¹. Что именно произошло с минералом, мы тоже не знаем. Чиновники зафиксировали полученный результат одной фразой: «философскою наукою испортил»⁵². Камень был уже «испорчен философской наукой», т. е. в результате приготовления «философского камня». Можно предположить, что камень помутнел, потерял цвет и блеск (оплавился? разрушился? потемнел?). Именно поэтому он не был предъявлен для продажи властям. Дмитрий Палеолог заговорил, что оставил драгоценность в Османской империи. В результате алмаз достался Степану Александрову и Николаю Петрову, которые увезли сокровище с собою в Томск.

Об алмазе через два года стало известно властям города. Воевода И. Ф. Татев изыал «испорченный» камень и отправил в Москву в Приказ Казанского Дворца: «прислал за Томскою печатью камень, а взять де тот камень у гречан у Степанка Олександрова да у Миколайка Петрова». Он доносил и о словах Степана Александрова и Николая об обещании князя после опыта вернуть камню утраченные свойства и прежние качества: «тот де он камень тот князь Дмитрей и опять может зделать по-прежнему в старом

⁴⁹ РГАДА. Ф. 214. Стб. 89. Л. 682.

⁵⁰ РГАДА. Ф. 214. Стб. 89. Л. 682.

⁵¹ РГАДА. Ф. 214. Стб. 89. Л. 682.

⁵² РГАДА. Ф. 214. Стб. 89. Л. 682–683.

лице, каков тот камень прежде сего был»⁵³. Видимо, речь шла о возможности сделать камень белым и прозрачным.

Руководство приказа Казанского Дворца отнеслось к происшествию с повышенным вниманием. Удивительно, но властей совершенно не интересовали занятия алхимией. Указы о запрете колдовства, магии, постоянно ведущиеся колдовские процессы не распространялись на изготовление «философского камня». Алхимия к видам преступной и, соответственно, наказуемой деятельности не относилась. (В штате Аптекарского приказа существовала постоянная должность — алхимист, которую можно перевести как фармацевт и изготовитель водки).

Важно властям было совершенно другое: потерянная ценность, которая могла перейти в государеву казну. Осмотрев полученный от И. Ф. Татеева в 1633 г. камень, судья приказа Казанского Дворца направил 17 февраля 1636 г. грамоту в Казань (не сохранилась). Не получив ответа (не ясно, почему следствие затягивалось), власти повторили 18 июля 1636 г. запрос.

Для «князя» был подготовлен специальный список. Интересовались в столице в первую очередь стоимостью камня: «И каков тот у них камень видел сколь велик, и что в нем весу, и что тому камению цена, и где ево у них хто тот камень в котором государстве торговал, и будет торговал, и что за него давали»⁵⁴. Вторым вопросом властей была возможность восстановить алмаз: «И тот он (Дмитрий Палеолог. — Т. О.) камень у них своею философскою наукою испортил, и будет он тот камень испортил, и опять ево он тою ж своею философскою наукою по-прежнему своему зделать может в старом лице поставить, как тот камень преж сего был». Как отмечалось, ни «допросные речи»⁵⁵ Дмитрия Палеолога, которых так ждали в Москве, ни подготовленный воеводами официальный ответ не дошли до настоящего времени.

В период пристального изучения драгоценности, «испорченной» Дмитрием Палеологом «философской наукой», в России появился следующий Дмитрий Палеолог⁵⁶, на этот раз без княжеского титула, мусульманин, но с необходимой греческой грамотой.

Второй Дмитрий Палеолог (Дмитрий Павлов сын Палеолог)⁵⁷ прибыл в Путивль через пять лет после первого, в 1637 г. «Греченин» смог предъявить грамоту иерусалимского патриарха Феофана (не сохранилась, известна в переводе).

Дело иммигранта велось в Посольском приказе, в фонде которого до настоящего времени находятся его фрагменты. Из них следует, что на расспросе в дипломатическом ведомстве иностранец достаточно подробно сообщил о своем происхождении: «А отец его... был гречанин, служилои человек и был у турецкого царя воеводою в Пелопонском городе, и, на воеводстве будучи, умер». Как и первый Дмитрий Палеолог, второй также происходил из Пелопоннеса (но в данном случае не был указан конкретный город). Оба иммигранта отнесли себя и свою родню к категории «служилых людей». Однако второй Дмитрий Палеолог смог указать должность отца, в переводе на русские реалии обозначенную как «воевода» (не ясно, какой территории в Пелопоннесе). Подобная включенность семьи в турецкую административную систему порождает

⁵³ РГАДА. Ф. 214. Стб. 89. Л. 682.

⁵⁴ РГАДА. Ф. 214. Стб. 89. Л. 683.

⁵⁵ РГАДА. Ф. 214. Стб. 89. Л. 683.

⁵⁶ РГАДА. Ф. 52. Оп. 1. 1637 г. № 6. Л. 1–26; 1645 г. № 10. Л. 4; Ф. 150. Дела о выездах иностранцев. 1637 г. № 3. Л. 1; 1644 г. № 1. Л. 25.

⁵⁷ РГАДА. Ф. 210. Оп. 9. Стб. 403. Л. 408.

сомнения в возможности сохранения его родом православия. Кем был Павел Палеолог в Османской империи — христианином или криптохристианином — сказать невозможно. Но после его смерти дети столкнулись с серьезными сложностями. Ребенка изъяли из семьи. Очевидно, что Дмитрий Палеолог прошел путь капыкуллари — «раба султанского двора». Его взяли по системе девширме — «налогу крови», принудительному призыву мальчиков, прежде всего, из знатных православных фамилий. Распространенная в Османской империи практика предполагала обязательную смену веры. Дмитрия обратили в ислам: «турской царь велел его обусурманить»⁵⁸; «обусурманили его турецкие люди смала»⁵⁹. Показания иммигранта подтверждал духовный пастырь: «прежде он бывал он православной христианин и для многих причин насильством его бусурманили»⁶⁰. Несомненно, при исламизации изменилось имя. Как оно звучало в Османской империи, иммигрант и иерусалимский патриарх не рассказали.

После принятия ислама Дмитрия Палеолога (но под другим именем) направили, видимо, для обучения в специальную школу при султанском дворе. По завершении обучения он вступил в службу: «и он обусурманен служил турецкому царю»⁶¹. Дмитрия Палеолога зачислили в привилегированный корпус янычар (регулярную пехоту). Судя по словам иммигранта, он достиг высокого положения в султанской армии: «в Царегороде служил он турецкому царю головою у янычар в бусурманской вере»⁶². Под фразой «голова у янычар»⁶³ (другой вариант «голова стрельцов»⁶⁴), скорее всего, скрывается командир подразделения, сотни. Позже Дмитрий Палеолог суммировал информацию о своем положении в Османской империи одной фразой: «служил я турецкому царю в чести»⁶⁵. Убедить в этом русские власти должны были ссылкой на соответствующий посту высокий оклад: «А корму ему шло от турецкого царя, как он был головою у янычар, по 13 гривен, по две деньги на день»⁶⁶.

На определенном этапе (неизвестен возраст выходца) Дмитрий Палеолог решил круто изменить свою судьбу и вернуться в православие: «И он не хотя быти в бусурманской веры поехал убегом»⁶⁷, «сбежав, поехал ис Царя-города убегом тайно»⁶⁸. Сейчас невозможно с точностью определить мотивы его действий, имевшие значительные последствия: отказ от ислама грозил смертной казнью. Это был исключительно религиозный порыв или же он сочетался с прагматическими планами, стремлением избежать наказания за неизвестные сейчас проступки и нарушения законов Османской империи — неизвестно. Существовали ли помимо внутренних исканий объективные причины, сказать невозможно. Но Дмитрий Палеолог покинул службу и бежал на окраины Османской империи.

Янычар оказался в Валахии. В Яссах он встретился с иерусалимским патриархом Феофаном, к которому обратился с просьбой о составлении рекомендательной

⁵⁸ РГАДА. Ф. 52. Оп. 1. 1637 г. № 6. Л. 2.

⁵⁹ РГАДА. Ф. 150. 1644 г. № 1. Л. 22–23.

⁶⁰ РГАДА. Ф. 52. Оп. 1. 1637 г. № 6. Л. 19.

⁶¹ РГАДА. Ф. 52. Оп. 1. 1637 г. № 6. Л. 2.

⁶² РГАДА. Ф. 52. Оп. 1. 1637 г. № 6. Л. 1–26.

⁶³ РГАДА. Ф. 150. 1637 г. № 3. Л. 1.

⁶⁴ РГАДА. Ф. 150. 1637 г. № 3. Л. 2.

⁶⁵ РГАДА. Ф. 52. Оп. 1. 1643 г. Л. 102.

⁶⁶ РГАДА. Ф. 150. 1637 г. № 3. Л. 1.

⁶⁷ РГАДА. Ф. 150. 1644 г. № 1. Л. 22–23.

⁶⁸ РГАДА. Ф. 150. Оп. 1. 1637 г. № 3. Л. 1.

грамоты. Предстоятель не мог отказать родовитому греку, подвергнувшемуся исламизации и стремящемуся вернуться к вере предков. Патриарх Феофан заступался за Дмитрия Палеолога следующими словами: «Сеи человек приехал во Влоскую землю и застал (меня. — Т. О.) и просил меня со многим молением, что(бы) писал я к державному и великому царствию, объявити и свидетельствовати о нем ... А ныне прибегает к милосердому царскому имени, служити государю до скончания века своего, и ныне опять миром помажется по-прежнему в православную веру, и нарицается именем Дмитрием, и да пожалуеши восприимиши и почтитше его, яко же и иных многих в державном великом царствии»⁶⁹. Спустя несколько лет Дмитрий Палеолог напомнит о покровительстве иерарха Христианского Востока: «А я ... был у еросалимского патриарха завсегда при ево благословеньи. И жаловал меня и благословил мне ехать к государю, и дал мне грамоту за своею рукою»⁷⁰. Наличие подобного документа открывало иммигранту в России широкие возможности.

Вероятно, в Яссах (или же еще в Константинополе) пути Дмитрия Палеолога пересеклись с одним из самых известных агентов русского правительства — Иваном Петровым (Вардой Тафрали)⁷¹. В Россию иностранец прибыл в сопровождении влиятельного фанариота: «Во 145 году приехал ко государю из Царя-города з гречаны с Иваном Петровым с товарищи греченин Дмитрий Палеолог»⁷². Иван Петров привез Дмитрия вместе с иными «гречаны».

Власти обратились к Дмитрию Палеологу с вопросом о наличии в Москве людей, способных подтвердить его происхождение. Проведя, по его словам, длительное время в столице Османской империи (откуда происходило большинство представителей греческой колонии Москвы) и лично знакомый с Иваном Петровым, Дмитрий Палеолог, тем не менее, не был уверен в присутствии в русской столице земляков, знавших его семью на родине: «А здесь ево на Москве у выезжих гречан или турчан знает ли хто? И того он не ведает, потому что он приехал к Москве вновь, и з двора, где поставлен, никуда не сходит»⁷³. Ответ был достаточно странным для иммигранта, близкого к Ивану Петрову и носящего столь значимую фамилию. В Москве постоянно находились греческие купцы-агенты, иерархи Христианского Востока и существовала греческая община, сложнейшими нитями связанная со стамбульскими греками и православными патриархами.

Несмотря на отсутствие подтверждений уже осевших в России иммигрантов, происхождение Дмитрия Палеолога не вызвало сомнений у русских чиновников. Они даже не предприняли попыток собрать комиссию по выяснению подлинности предоставленных им сведений. Отсутствие «знатцев» никоим образом не повлияло на решение. Дмитрий Павлов Палеолог вызвал абсолютное доверие в России. Если отсутствие показаний «знатцев» для первого Дмитрия Палеолога по вопросу «прямо ли он Палео-

⁶⁹ РГАДА. Ф. 52. Оп. 1. 1637 г. № 6. Л. 19.

⁷⁰ РГАДА. Ф. 52. Оп. 1. 1643. № 1. Л. 102.

⁷¹ О нем см.: *Флоря Б. Н.* Россия, стамбульские греки и начало Кандийской войны // *Славяне и их соседи. Греческий и славянский мир в средние века и раннее новое время*, М., 1996. Вып. 6. С. 174–187; *Фонкич Б. Л.* Иерусалимский патриарх Феофан и Россия (Обзор греческих грамот Центрального государственного архива древних актов) // *Фонкич Б. Л.* Греческие рукописи и документы в России. М., 2003. С. 411–420; *Ченцова В. Г.* Икона Иверской Богоматери (очерки истории отношений греческой церкви с Россией в середине XVII в. по документам РГАДА). М., 2010. С. 60–314.

⁷² РГАДА. Ф. 150. 1637 г. № 3. Л. 1.

⁷³ РГАДА. Ф. 150. 1637 г. Л. 1.

логово родства» оказалось губительным, то для второго Дмитрия Палеолога аналогичная ситуация не имела последствий. Он был признан подлинным Палеологом, что, по мнению властей, доказывала греческая грамота и, видимо, устная рекомендация Ивана Петрова. В отличие от первого, второй Дмитрий Палеолог сразу получил положительную резолюцию властей на просьбу о принятии русского подданства.

Церемония вступления в подданство была торжественно обставлена, что соответствовало высокому статусу иммигранта. Дмитрию Палеологу была предоставлена царская аудиенция, состоявшаяся 30 января 1637 г. На приеме у Михаила Федоровича в Золотой палате иммигранта наградили за выезд. Дмитрию Палеологу пожаловали сорок соболей, оценивавшихся в 30 рублей, а также дорогие ткани⁷⁴. Дополнительное денежное вознаграждение включало 20 рублей⁷⁵. Новому русскому подданному был определен поместно-денежный оклад, составивший 500 чети и 30 рублей⁷⁶.

После светской церемонии Дмитрию Палеологу предстояло пройти религиозные очищения. Конфессиональные аспекты принятия русского подданства затрагивали всех иммигрантов из Османской империи. Как «гречане», так и «турчане» обязательно становились членами приходов русской Церкви. Предполагались проверки вероисповедания⁷⁷.

Безусловно, в России не мог находиться Палеолог-мусульманин. Выходца направили на 40-дневное оглашение на Патриарший двор. В полном согласии с рекомендацией иерусалимского патриарха Феофана, просившего «в вере (его) справити и наричется именем Дмитрий», глава русской церкви патриарх Иоасаф выбрал для иностранца второй чин приема в православие (как насильно покинувшего Церковь). По завершении оглашения пастырь совершил таинство миропомазания. При возвращении из ислама выходцу вернули прежнее христианское имя — Дмитрий⁷⁸. Вознаграждение на Казенном дворе ему вручили 31 марта 1637 г. «За подначальство» Дмитрий Палеолог получил сорок соболей ценой в 25 рублей, камку, сукно и 25 рублей⁷⁹.

Вскоре после окончательного вступления в русское подданство православный иностранец нашел себе партию для брака. В России женихом православной невесты мог быть только православный. Смешанные браки были исключены. К сожалению, документы сохранили лишь имя супруги — Александра⁸⁰, но неясна ее фамилия, а также

⁷⁴ «1637 г., январь 30. По государеву указу, по памяти за приписью дьяка Максима Матюшкина государева жалованья при государе греченину Дмитрею Палеологу 10 аршин камки куфтерю черленой да 4 аршина сукна аглинского гвоздичново по 1 рублю аршин, 40 соболей 30 рублев. А пожаловал государь ево за выезд. А явлено ему государеву жалованье при государе в Золотой» (РГАДА. Ф. 386. Оп. 2. Кн. 292. Л. 138–138 об.).

⁷⁵ «А дано ему государева жалованья за выход 40 соболей в 30 рублев, кармазин, камка, куфтерь, сукно аглинской доброе. Денег 20 рублев» (РГАДА. Ф. 150. Оп. 1. № 3. Л. 2).

⁷⁶ «Да ему ж учинен помесной оклад 500 чети, 30 рублев» (РГАДА. Ф. 150. Оп. 1. № 3. Л. 2).

⁷⁷ Опарина Т. А. «Исправление веры греков»... С. 288–325.

⁷⁸ РГАДА. Ф. 52. Оп. 1. 1637 г. № 6. Л. 1–26; 1645 г. № 10. Л. 4; Ф. 150. 1637 г. № 3. Л. 1; 1644 г. № 1. Л. 25.

⁷⁹ «1637 г., март 31. По государеву указу по памяти за приписью дьяка Максима Матюшкина государва жалованья выезжему греченину Дмитрею Палеологу 8 аршин камки адамашки лазоревой мелкотравно по 25 алтын аршин, 4 аршина /Л. 194/ сукна аглинского вишневого по 1 рублю аршин, 40 соболей 25 рублев. А пожаловал государь ево за подначальство, что он был ныне под началом для исправления христианские веры. И то государеву жалованье отослано в Посольской приказ. Отнес подъячей Гаврило Федоров» (РГАДА. Ф. 396. Оп. 1. Кн. 292. Л. 193 об.—184).

⁸⁰ РГАДА, Ф. 210. Оп. 9. Стб. 227. Стп. 1. Л. 171.

социальная и этническая принадлежность. Однако известен размер царских пожалований для свадебной церемонии. Дмитрию Палеологу из приказа Большого дворца (т. е. ведомства, созданного для государева обихода) были выделены многочисленные яства и напитки. Он получил на свадьбу из царских кладовых богатые дары: «Июля в 27 день. Послана память в Большой дворец. А велено дать государева жалованья выезжему греченину Дмитрею Палеологу запаса на свадьбу 2 ведра меду патошного, 5 ведер вина. Того ж числа послана память в Большой приход, а велено дать государева жалованья выезжему греченину Дмитрею Палеологу на свадьбу запаса 5 пуд меду, 3 чети солоду ячново, пол стяга говядины, 2 борана с шерстью, 2 полты ветчины, 7 куров»⁸¹. Таким образом, спустя полгода после выезда Дмитрий Палеолог создал в России семью. В ней появилось как минимум двое детей: сын Никифор и дочь Дарья⁸².

Отпраздновав пышную свадьбу, носитель громкой фамилии приступил к оформлению своего статуса. Смена веры, конфессиональные отступления потомка императорской династии никак не влияли на положение в русском обществе. Напротив, возвращение в православие виделось заслугой иммигранта.

Но, в отличие от первого, второй Дмитрий Палеолог никогда не претендовал на княжеский титул. Он ничего не говорил о древних корнях, умолчал о блистательной родословной и не выстраивал генеалогических схем. Никаких ссылок на имперское прошлое не звучало ни в его показаниях, ни в грамоте иерусалимского патриарха Феофана. Формулировки «архонт», «кирица», «базилевс», в России приравненные к титулу князя, не встречаются в деле о его выезде. Однако сама фамилия, наличие греческого документа и выезд в составе свиты Ивана Петрова открыли иммигранту путь в русское привилегированное сословие. Дмитрий Палеолог сразу после миропомазания был определен в Государев двор. Выходца зачислили в московское дворянство: «и велено ему служить по московскому списку для того, что он, оставя бусурманскую веру, обратился в православную христианскую веру»⁸³. Он попал в особую группу «иноземцев новокрещеных, которые по государеву указу написаны в список с московскими дворяны»⁸⁴: «2 октября 1637 г. по памяти из Посольского приказа велено гречанина Дмитрея Палеолога написать в московский список»⁸⁵. До 1642 г. его имя присутствует в боярских списках⁸⁶.

Служилое сословие, в том числе по отчеству, контролировал Разрядный приказ, в котором первоначально Дмитрия Палеолога отнесли к категории «кормовых иноземцев»: «И в Розряде выписано: в записной книге кормовщиков иноземцев 150 году Дмитрею Полеолов написан с кормовыми иноземцы. Была де ему помесной оклад ему 500 чети денег 30 рублев»⁸⁷. Поместно-денежный оклад, назначенный при выезде, был

⁸¹ РГАДА. Ф. 159. Оп. 2. 1637 г. № 4. Л. 3 (Записная книга памятей в приказ Большого дворца, Большого прихода).

⁸² РГАДА. Ф. 210. Оп. 9. Стб. 227. Стп. 1. Л. 171.

⁸³ РГАДА. Ф. 150. Оп. 1. 1637 г. № 3. Л. 2.

⁸⁴ Об этой группе см.: Белоусов М. Р. Иноземцы в боярских списках середины XVII в. // Ученые записки Казанского университета. Сер. Гуманитарные науки. 2014. Т. 156. Кн. 3. С. 55–56.

⁸⁵ РГАДА. Ф. 210. Столбцы Дополнительного отдела. № 4. Стп. 4. Л. 347.

⁸⁶ РГАДА. Ф. 210. Боярские книги. № 3. Л. 266; и в боярских списках 7146–7151 гг. (РГАДА. Ф. 210. Столбцы Дополнительного отдела. № 4. Стп. 4. Л. 347; Стп. 5. Л. 156; № 45. Л. 226; Столбцы Московского стола. № 1064. Стп. 1. Л. 129; № 182. Стп. 2. Л. 155). — Сведения предоставлены А. П. Павловым, за что приношу глубокую благодарность.

⁸⁷ РГАДА. Ф. 210. Оп. 9. Стб. 403. Л. 408.

сохранен, но не имел пока реального воплощения. До получения земельных наделов доходы Дмитрия Палеолога формировались только на основе «кормового жалованья».

В русской столице московский дворянин Дмитрий Палеолог, вероятно, сблизился с земляками и дальними родственниками — Альбертусами-Далмацкими. Их фамилия относилась к дальней ветви Палеологов, сохранившихся в Пелопоннесских Патрах. Сейчас невозможно определить, почему подлинные Палеологи предпочли скрываться в России под фамилией «Альбертусов-Далмацких», не настаивая на своей принадлежности к императорской династии. Но среди бывших соотечественников они пользовались огромным авторитетом. Иван Альбертус-Далмацкий, получивший в России титул князя, стал светским лидером греческой общины.

Это обстоятельство делало знакомство с семьей Альбертусов-Далмацких притягательным для «нововыезжего иноземца». Дмитрия Палеолога могло связывать с этим кланом, помимо происхождения и места рождения, также знакомство с Иваном Петровым (Вардой Тафрали). Последнего оппоненты назовут «другом»⁸⁸ двоюродного брата Ивана — Дмитрия Альбертуса (и, можно предположить, самого Ивана).

К приезду Дмитрия Палеолога в Москве вокруг клана Альбертусов-Далмацких уже сложилась устойчивая клиентура. Наиболее активными ее участниками стали московские дворяне Петр Волошенин (выехавший в 1633 г. в свите Фомы Кантакузина) и Остафий Власий (выехавший в 1636 г., родной брат видного греческого богослова Гавриила Власия). Первоначально Дмитрий Палеолог примкнул к клану Альбертусов-Далмацких. Но насколько тесно он был вовлечен в их круг, сказать сложно. С московскими дворянами греческого происхождения Дмитрия Палеолога должно было объединять не только прошлое в Османской империи, но и настоящее в России. Статус и, как следствие, должностные обязанности, оказались едиными.

Вместе с русским дворянством иноземцы-дворяне призваны были защищать отечество. В мирное время представители служилого сословия направлялись на Тулу для обороны от татарских набегов. Полгода дворянское ополчение несло «береговую службу» на южных границах России.

Но новые русские подданные нередко стремились уклониться от военных обязанностей. Это регулярно удавалось Дмитрию Альбертусу, избегавшему походной службы и дальних поездок ссылками на старость и болезни. Он ежегодно подавал челобитные на имя государя с просьбой оставить его в Москве, получая на них согласие.

Бывший глава подразделения янычарского корпуса, не освоив правила поведения и способы вполне легального уклонения от службы, не вникнув в тонкости подачи челобитных и делопроизводства Разрядного приказа, проявил недозволенную вольность. В июне 1642 г. Дмитрия Палеолога, в числе других дворян-иноземцев, подведомственных Разрядному приказу, направили на береговую службу на Туле⁸⁹. Здесь на конном смотре 28 июня 1642 г. он продемонстрировал воеводе Алексею Никитичу Трубецкому свое вооружение: «Греченин Дмитрей Палеолог на коне с пистоли да за ним человек на коне с карабином с саблею»⁹⁰. Достаточно скромная боевая готовность, представляющая собой выезд на одном коне и в сопровождении одного боевого холопа, свидетельствовала о его возможностях. Но ничего другого иностранец,

⁸⁸ РГАДА. Ф. 52. Оп. 1. 1643 г. № 1.

⁸⁹ РГАДА. Ф. 210. Оп. 9. № 176. Л. 365.

⁹⁰ РГАДА. Ф. 210. Оп. 10. Владимирский стол. Стб. 110. Л. 45.

не обладающий поместьями и получающий по 5 алтын в день кормового жалованья, собрать, видимо, не мог.

Пробыв на двух смотрах, конном и пешем, носитель фамилии византийских императоров покинул полки. В сопровождении сослуживцев — «греченина» Михаила Поликострицкого и «турченина» Селуяна Степанова Федорова — Дмитрий Палеолог отправился на сенокос. Дворяне-иноземцы принялись заготавливать корм для лошадей: «на ... государеве службе на Туле и у смотров перед ... государевым воиводом перед князем Алексеем Никитичем Трубецким были у пьщего перваго, а у другово конного были ж. а на третьем гдрь смотре ... не были, потому что отъехали для конной нужи лугов наймались сена косить»⁹¹. Отсутствие военных сразу было обнаружено, они не явились на третий смотр и вернулись лишь к четвертому. В результате прогул был расценен как неявка на смотр. Иностранцы попали в список «нетчиков».

Несмотря на то, что фактически все иноземцы, подведомственные Разрядному приказу, в 1642 г. оказались в «нетех» и по тем или иным причинам не прибыли на Тулу, зафиксированных «нетчиков» не простили. Сначала беглецы были наказаны лишением поденного корма и жалованья: «И в двух первых смотрах при воиводах при князе Алексее Трубецком с товарищи написаны в естех. А у третьево сомтру не были, потому что съезжали с Тулы для консковово корму наймать лугов сено косить. И после тово вскоре приехали на Тулу и были на государеве слжбе до отпуску и в смотрах. И за то де их вину, что они с Тулы съезжали, государева жалованья и поденного корму давати им не велено»⁹².

Затем последовало лишение чина. Дмитрия Палеолога наказали, отказав в звании московского дворянина: «За вину, что в 7150 г. с Тулы збежал, велено служить с иноземцы»⁹³. Вскоре он будет писать о переживаниях, в которые повергла его потеря «чести»: «И я (был. — Т. О.) в кручинах своих, что я честь свою службою отбыл»⁹⁴.

Иммигранта и его соратников понизили в статусе, определив в Иноземский приказ: «И в ... в 150-м году по наряду иноземцом Селуяну Федорову, Дмитрею Палеологу, Михаилу Поликострицкому велено быти на государеве службе на Туле. И 150-го году июля в 27 день писали к государю царю Михаилу Федоровичю с Тулы воиводы князь Алексеи Трубецком с товарищи, что те иноземцы ... з государевы службы с Тулы збежали. И государь Михаил Федорович ... указал ... за ту их вину, что они с ... государевы службы с Тулы збежали из дворян отставить и велел имь государь свою государеву службу служить с ыноземцы, которые ведомы в Ыноземском приказе ... написать в службу с ыноземцы, которые служат с ротмистры, чтоб на то смотря, таким иноземцом неповадно было з государевы службы бегать»⁹⁵. Дмитрий Палеолог изложит эту же версию: «По государеву указу служил я государеву службу по московскому списку на Туле в прошлом во 150-м году. И с Тулы прислано именишко мое в нетах. И за ту мою вину указал государь мне служить государеву службу с ыноземцы в греческой роте. И ... именишко мое отослано в Панской приказ»⁹⁶. Фамилия иммигранта

⁹¹ РГАДА. Ф. 210. Оп. 10. Владимирский стол. Стб. 110. Л. 42, 43.

⁹² РГАДА. Ф. 210. Оп. 10. Владимирский стол. Стб. 110. Л. 43.

⁹³ РГАДА. Ф. 210. Столбцы Московского стола. № 182. Стп. 2. Л. 155. — Сведения указаны А. П. Павловым, за что приношу глубокую благодарность.

⁹⁴ РГАДА. Ф. 52. Оп. 1. 1643 г. № 1. Л. 102.

⁹⁵ РГАДА. Ф. 210. Оп. 10. Владимирский стол. Стб. 110. Л. 52, 53, 53 об.

⁹⁶ РГАДА. Ф. 52. Оп. 1. 1643 г. № 1. Л. 102.

после исключения из боярских списков стала звучать чуть иначе. Его стали записывать теперь не как «Палеолог», а как «Палеолов». В боярских списках уже не был восстановлен.

Имя Дмитрия Палеолога вычеркнули из боярских списков, а в боярские книги оно так и не успело попасть: «А в боярских книгах 139-го и 155-го году Дмитрея Полеолова с иноземцы, которые написаны с московскими дворяны, не написано»⁹⁷. Иностранец пробыл в Разрядном приказе столь непродолжительный период, что его короткое нахождение в составе московского дворянства не оставило следов в основных для дворянского сословия документах.

В Иноземском приказе бывший янычар должен был в полной мере проявить свои навыки ведения боя, освоенные в турецких сражениях. Дмитрий Палеолог попал в подразделение, предназначенное для выходцев из Османской империи — «греческую роту». На тот момент ее возглавлял Юрий Трапезундский. Носитель древней фамилии оказался под началом бывшего корсара и горячего сторонника Альбертусов-Далмацких. Последнее обстоятельство обусловило сложную коллизию в судьбе Дмитрия Палеолога.

Второй Дмитрий Палеолог попал в Иноземский приказ в момент острого конфликта двух противоборствующих группировок. За лидерство в греческом землячестве боролись два рода, представители которых ранее, в 1630 г., призваны были аттестовать происхождение первого Дмитрия Палеолога.

Два княжеских клана — «гречан» Альбертусов-Далмацких и «турчан» Алибеевых-Макидонских — вступили в яростное противостояние. Алибеевы-Макидонские начали следственное дело против Дмитрия Альбертуса, обвиняя его в переманивании холопа. Судебное разбирательство лишь усугубило ситуацию, словесная перепалка перед началом процесса закончилась поножовщиной. Сопровождающий Дмитрия Альбертуса грек зарезал боевого холопа Федора Макидонского.

Над Дмитрием Альбертусом нависла угроза тюремного заключения. Опираясь на верных ему людей, он приступил к реализации плана по дискредитации противников. Организаторами подготовки ответных действий выступили люди окружения Дмитрия Альбертуса-Далмацкого — Остафий Власий, Петр Волошенин, а также непосредственный начальник Дмитрия Палеолога — ротмистр Юрий Трапезундский. Он стал одним из главных зачинщиков конфликта.

Заговорщики направились в Греческую слободу для сбора подписей на поручной записи в защиту Дмитрия Альбертуса. Соответственно, сам Дмитрий Альбертус в бумагах никак не фигурировал. Всего удалось найти 53 представителя греческой общины (участников «греческой роты» и одновременно жителей Греческой слободы), готовых ради спасения Дмитрия Альбертуса поручиться за него.

Получив необходимое число записей, подельники с помощью площадного подьячего Афанасия Белого подменили текстовую часть документа, сохранив при этом листы с «рукоприкладствами». В результате поручная запись превратилась в изветную челобитную.

Противоречивая история взаимоотношений православных «турчан» и «гречан» в России привела к появлению коллективной челобитной⁹⁸. В составленном от имени

⁹⁷ РГАДА. Ф. 210. Оп. 9. Стб. 403. Л. 408 а.

⁹⁸ О его характере можно судить по встречному делу против Астафья Власьева и Петра Волошенинова, заведенному в 1643 г. Фрагменты следствия сохранились: РГАДА. Ф. 159. Оп. 2. № 4885; Ф. 77. Сношения с Персией. Оп. 1. 1627 г. № 1. Л. 1–8; Ф. 52. Оп. 1. 1643 г. № 1.

подавляющего большинства членов греческого землячества прошения на имя царя говорилось о подложности княжеского звания Федора и Анастаса Макидонских: «будто они (в своей земле. — Т. О.) были не князья»⁹⁹. Московские аристократы, чуть ранее сами выступавшие экспертами в деле о происхождении первого Дмитрия Палеолога, теперь подверглись неожиданному обвинению. Их титул решили оспорить.

В составлении коллективной челобитной видную роль сыграл второй Дмитрий Палеолог, ставший одним из деятельных помощников изветчиков. Он активно действовал на стороне Альбертусов-Далмацких в деле подготовки доноса против Алибеевых-Макидонских. Дмитрий Палеолог сразу включился в процесс изготовления документа, оставив свою личную подпись (по-гречески), а также подписавшись за целый круг других «гречан»: Ивана Дмитриева¹⁰⁰, Дмитрия Николаева¹⁰¹, Ивана Юрьева¹⁰², Афанасия Юрьева¹⁰³, Кирилла Иванова¹⁰⁴, Якова Стоянова¹⁰⁵, Ивана Мирчева¹⁰⁶, Петра Юрьева¹⁰⁷.

Все манипуляции с направляемыми властям бумагами происходили в доме Дмитрия Альбертуса. Позже на очной ставке подъячий Афанасий Белый опознает в лицо Дмитрия Палеолога. Видимо, его внешность была столь запоминающейся, что отложилась в памяти русского нотариуса. Лица других «гречан» он забыл: «И подъячеи Офонка Белой сказал: прикладывали де к челобитной руки при нем Остафеи Власов да Юрьи Трапизонской да Петр Волошенин да Дмитреи Палеолов. А иные де их таварыщи при нем ли руки прикладывали, и того он не упомнит, и их не знает, потому что тое челобитную велели ему писать Остафеи да Юрьи да Петр. А написав де челобитную, отдал им»¹⁰⁸; «А на очной ставке подъячеи Офонка сказал на одново греченина на Дмитрея Полеолова, что тот Дмитреи к тое челобитной руку прикладывал при нем, Офонке, и чотчи тое челобитную. А опричь того Дмитрея иных гречен он не упомнит, и их не знает, потому что тое челобитную велели ему писать Остафеи Власов да Юрьи Трапизонский да Петр Волошенин. И написав тое челобитную, отдал им»¹⁰⁹.

Остафий Власиев и Петр Волошенин также будут настаивать на добровольном участии Дмитрия Палеолога в составлении извета на Алибеевых-Макидонских и в активном привлечении других членов греческой общины: «На очной ставке Остафьеи Власов да Петр Волошенин говорили: «Дмитреи (Палеолог. — Т. О.) де тое изветную челобитную ведал, и руку к тое челобитной приложил чотчи, и за тем делом ходил с ними вместе. А ныне он де отпираетца, потому что у Макидонских взял скуп»¹¹⁰.

Таким образом, Дмитрий Палеолог последовал воле большинства и поддержал сильнейшего на тот момент в греческой общине человека — Дмитрия Альбертуса.

⁹⁹ РГАДА. Ф. 159. Оп. 2. № 4885. Л. 5.

¹⁰⁰ РГАДА. Ф. 52. Оп. 1. 1643 г. № 1. Л. 88, 153.

¹⁰¹ РГАДА. Ф. 52. Оп. 1. 1643 г. № 1. Л. 88.

¹⁰² РГАДА. Ф. 52. Оп. 1. 1643 г. № 1. Л. 89.

¹⁰³ РГАДА. Ф. 52. Оп. 1. 1643 г. № 1. Л. 109.

¹⁰⁴ РГАДА. Ф. 52. Оп. 1. 1643 г. № 1. Л. 110.

¹⁰⁵ РГАДА. Ф. 52. Оп. 1. 1643 г. № 1. Л. 117.

¹⁰⁶ РГАДА. Ф. 52. Оп. 1. 1643 г. № 1. Л. 117.

¹⁰⁷ РГАДА. Ф. 52. Оп. 1. 1643 г. № 1. Л. 117, 153.

¹⁰⁸ РГАДА. Ф. 52. Оп. 1. 1643 г. № 1. Л. 196.

¹⁰⁹ РГАДА. Ф. 52. Оп. 1. 1643 г. № 1. Л. 198–199.

¹¹⁰ РГАДА. Ф. 52. Оп. 1. 1643 г. № 1. Л. 165.

Но следственное дело затягивалось и стало приобретать крайне нежелательный характер для его организаторов. Юрия Трапезундского сослали в Сибирь (хотя и по другому доносу). Сразу после наказания ротмистра было возбуждено судебное разбирательство о лжесвидетельствовании, под которое подпали все «греки», оставившие свои подписи на извете против Алибеевых-Макидонских. Они были вызваны на допросы в Посольский приказ. Начали применяться пытки. На дыбах проверяли истинность показаний Остафия Власиева и Петра Волошенина.

Как только дело приняло для сторонников Альбертусов-Далмацких опасный оборот, Дмитрий Палеолог предпочел резко изменить свою позицию. Если Петр Волошенин и Остафий Власий до конца следствия будут отстаивать правоту своего доноса и даже настаивать на проведении допросов «с пристрастием» по отношению к ним, то Дмитрий Палеолог оказался не готов повторить их путь. Когда ситуация повернулась не в пользу спорщиков, а Алибеевы-Макидонские стали опережать своих оппонентов по количеству изветов, Дмитрий Палеолог вместе с большинством других членов греческого землячества перешел на сторону своих недавних противников. Янычар Палеолог ушел от православных Альбертусов-Далмацких (Палеологов) к бывшим мусульманам Алибеевым-Макидонским.

Дабы избежать преследования, все «подписанты» выступили с утверждением о подложности доноса на Алибеевых-Макидонских. В Посольский приказ последовательно подавались явочные челобитные с обвинениями в изготовлении подложных документов. В прошениях говорилось о подстрекательстве Юрия Трапезундского, Остафия Власиева и Петра Волошенинова, которые их «оманули», «завели бездельный завод». Как теперь раскрывалось, коллективный извет был составлен под прямым давлением ротмистра и его сподвижников. Дмитрий Палеолог также будет ссылаться на плохое знакомство с порядком делопроизводства России: «он де руку приложил, не знаячи русского обычья»; «а ротмистр де с товарищи иво оманули, потому что русские ему всякие дела не за обычаяи»¹¹¹.

Дмитрию Палеологу, несомненно, одному из самых образованных жителей Греческой слободы, удалось создать очень информативную явочную челобитную, призванную убедить власти в невинности: «Указал государь служить мне свою государеву службу с иноземцы в греческой роте у ротмистра у Юрья Трапизонского. И как именишко мое отослано в Панской приказ, и стретился со мною Остафеи Власов да Петр Волошанин да греческой ротмистр Юрья Трапизонской, и поднесли порожние столпцы бумаги склеены, а велели мне руку приложить в статье по князь Дмитрее Албертусове, что учинилась у него брань с турчены со князем Анастасом да со князем Федором княз Алибеевыми детьми Макидонскими, что он зарезал у них человека. И я в кручинах своих, что я честь свою службою отбыл, и не знаячи русского обычая, и тот Остафеи да Юрья, умысля они бездельем своим, хотя тем брань избыть, что было со князь Дмитрием, и завели бездельное челобитье собою на князь Анастаса да на князь Федора, бутто мы знали их в своеи земле, что они были бутто не князья»¹¹². Новая трактовка событий коренным образом расходилась с версией первого извета. Прошение бывший янычар, как всегда, заверил по-гречески.

¹¹¹ РГАДА. Ф. 52. Оп. 1. 1643 г. № 1. Л. 7.

¹¹² РГАДА. Ф. 52. Оп. 1. 1643 г. № 1. Л. 102.

Но челобитной от своего лица Дмитрий Палеолог не ограничился. Он начал действовать против клана Альбертусов-Далмацких столь же активно, как ранее выступал в их защиту. Сразу после подготовки явки бывший янычар развернул кипучую деятельность по составлению новых коллективных челобитных. При его помощи были подготовлены два извета на Юрия Трапезундского, Петра Волошенина и Остафия Власьева. Тексты, разоблачающие бывших союзников и имеющие большое число подписей, Дмитрий Палеолог отнес в Посольский приказ¹¹³.

В деле о подложности княжеского титула Алибеевых-Макидонских наиболее важным аргументом оказались греческие грамоты. При этом все главные участники спора — Иван и Дмитрий Альбертусы-Далмацкие, Федор и Анастас Алибеевы-Макидонские, Дмитрий Палеолог — имели бумаги, составленные (хотя и в разное время) одним и тем же лицом: иерусалимским патриархом Феофаном. Опровергнуть их подлинность было равносильно подрыву собственного положения. Дмитрий Палеолог заверил власти в абсолютной истинности каждого документа, исходящего от имени столь авторитетного в России иерарха. Он теперь выступил важным свидетелем благородного происхождения своих бывших противников, а ныне покровителей — Алибеевых-Макидонских: «А я был у еросалимского патриарха завсегда при ево благословеньи. И жаловал меня и благословил мне ехать к государю и дал мне грамоту за своею рукою. И росказывал мне про того князь Анастаса и князь Федора, что они люди великородные болшого княжова роду. И сказал мне, что послал де их я ко государю и грамоту де им дал своею рукою и велел мне при них держатца, потому что я служил турскому царю в чести. А как бы патриарх еросалимской и них не знал отчества болшого и роду, и он бы не писал к государю своеи грамоты. А патриарх лживо не пишет, прямые они отеческие люди и великородные»¹¹⁴.

Алибеевым-Макидонским, в том числе с помощью показаний Дмитрия Палеолога, удалось отстоять свой княжеский титул и выиграть растянувшееся на три года следствие. Дмитрий Альбертус-Далмацкий не пострадал (его подписи не было в бумагах). Московским дворянам Петру Волошенину и Остафию Власиеву было присуждено битье батогами. Чтобы избежать публичного наказания, они примирились с Алибеевыми-Макидонскими и согласились с их правом на высокое звание. Дмитрий Палеолог, вина которого была очевидной, но не столь тяжелой (он был деятельным соучастником, но не организатором доноса), сохранил свой статус. Очевидно, сыграла роль его полная лояльность к победителям процесса — Алибеевым-Макидонским.

Через несколько лет после завершения судебного разбирательства Дмитрий Палеолог упрочил свое положение, получив земельный надел в 302 чети в Арзамаском уезде¹¹⁵.

Он умер не позднее 1650 г., когда решалось дело о передаче поместья наследнику — пятилетнему сыну Никифору. На мальчика вместе с владением переходила обязанность содержать за счет доходов с имения сестру Дарью и мать Александру¹¹⁶. В 1669 г. вопрос о званиях Дмитрия Палеолога и его наделе в Арзамаском уезде был поднят вновь. В Разрядный приказ поступил запрос о принадлежности иммигранта к московскому дворянству и размерах его поместно-денежного оклада. Возможно, это

¹¹³ РГАДА. Ф. 52. Оп. 1. 1643 г. № 1. Л. 107, 114.

¹¹⁴ РГАДА. Ф. 52. Оп. 1. 1643 г. № 1. Л. 102.

¹¹⁵ РГАДА. Ф. 210. Оп. 9. Стб. 227. Стп. 1. Л. 171.

¹¹⁶ РГАДА. Ф. 210. Оп. 9. Стб. 403. Л. 408.

было связано с дальнейшей судьбой повзрослевшего сына — Никифора Дмитриева сына Палеолова¹¹⁷.

Но в период жизни Дмитрия Палеолога в России несколько раз появлялись новые носители этой фамилии, хотя уже не в качестве иммигрантов, а просителей «милостыни». Так, в 1644 г. с грамотой от константинопольского патриарха Парфения с просьбой о пожалованиях для выкупа родственников и оказании финансовой помощи обращались к русскому царю Кузьма Палеолог¹¹⁸ и греческий купец Павел Яковлев (Палеолог)¹¹⁹. Последний обладал также рекомендательной грамотой александрийского патриарха Никифора¹²⁰.

На примере Павла Яковлева видно, что в русской традиции фамилия «Палеолог» претерпела существенные изменения в толковании. В России «Палеолог» стало восприниматься не только как фамилия, но и как имя. Причем был даже найден русский аналог: «Палеолог» оказался равнозначным «Павлу». В частности, именно эта версия транскрипции «Палеолог» на русский язык проявилась в судьбе одного из представителей семьи Альбертусов-Далмацких. Родной брат Ивана Альбертуса, прибывший в Россию в 1630 г., первоначально в делопроизводстве Разрядного приказа был обозначен как Палеолог Альберт. Палеологом назвал его в своей грамоте и иерусалимский патриарх Феофан. Но в русских документах иммигрант очень скоро превратился в Павла Альбертуса (получившего, как и Иван, титул князя).

Схожая ситуация сложилась с наименованием родовитых выходцев из Османской империи, переселившихся в Россию в XVI в. и вошедших в Государев двор под фамилией Селунских. Один из иммигрантов второго поколения рода Селунских обозначался в Разрядном делопроизводстве и боярских книгах как Палеолог Селунский. (Его брат, Авраам Селунский, породнился с Иваном Альбертусом. Он выдал за нового иммигранта свою дочь. Скрытые представители династии Палеологов заключали между собой брачные союзы.)

Подводя итоги, можно сказать, что за первую половину XVII в. в Россию переселилось два носителя фамилии «Палеолог», причем имеющих одно имя — Дмитрий, но разные отчества. Один из них оказался алхимиком, предлагавшим царю Михаилу Федоровичу новый способ пополнения казны с помощью «философской науки» и магического кристалла. Он претендовал на княжеский титул, но не смог предъявить греческих грамот и, как следствие, доказать русскому правительству свою принадлежность к древнему роду. Не захотел узнать в нем Палеолога его земляк и, очевидно, подлинный Палеолог (о чем говорила грамота иерусалимского патриарха Феофана), но предпочеший носить в России иную фамилию, князь Иван Альбертус-Далмацкий. Вызывая сомнения всей своей деятельностью, Дмитрий Иванов Палеолог был сослан в Казань.

Второй Дмитрий Палеолог — бывший янычар, обладал греческой грамотой, но не говорил о княжеском достоинстве. Рекомендательная грамота иерусалимского патриарха Феофана, наряду с иными факторами, дала чиновникам Посольского приказа основания видеть в нем подлинного представителя императорской фамилии. После очищения веры и возвращения в православие он был обласкан властями и наделен

¹¹⁷ РГАДА. Ф. 210. Оп. 9. Стб. 227. Стп. 1. Л. 171.

¹¹⁸ РГАДА. Ф. 52. Оп. 2. № 211.

¹¹⁹ РГАДА. Ф. 52. Оп. 2. № 220.

¹²⁰ РГАДА. Ф. 52. Оп. 2. № 227.

званием московского дворянина. Однако иностранец не смог удержаться в составе Государева двора. Дмитрий Павлов сын Палеолог лишился высокого статуса и стал рядовым военным Иноземского приказа. Он попытался искать покровительства у влиятельных иммигрантов Альбертусов-Далмацких (Палеологов).

Необходимо отметить, что все указанные иммигранты происходили из Пелопоннеса, проживали в Патрах (за исключением второго Дмитрия Палеолога, не указавшего названия города полуострова). По заверениям Ивана Альбертуса, в Патрах сохранялись потомки древних родов Палеологов и Кантакузиных. Кроме того, путь всех этих выходцев пролегал через Молдавское княжество и Яссы.

Но различались их взаимоотношения с главами церковью Христианского Востока. Первый Дмитрий Палеолог заслужил очень резкую характеристику константинопольского патриарха Кирилла Лукариса, назвавшего его «лихим и злым человеком», собравшим вокруг себя «безумных гречан». Иммигрант не только не смог получить патриаршую грамоту, но и найти поддержку у членов греческого землячества Москвы. Его неприятие землячеством спровоцировало серию доносов и, как следствие, ссылку. Второй Дмитрий Палеолог обладал грамотой иерусалимского патриарха Феофана.

Но самым большим количеством греческих документов располагали Альбертусы-Далмацкие. Члены семьи, долгое время служившие в Англии, Франции, Молдавском княжестве, регулярно получали греческие рекомендательные грамоты. Иван и Дмитрий Альбертусы имели грамоты иерусалимского патриарха Феофана и иерусалимского протосингелла Кирилла, Павел Альбертус — константинопольского патриарха Кирилла Лукариса и иерусалимского патриарха Феофана. Поэтому не случайно круг связей Альбертусов-Далмацких включал таких известных фанариотов, как Иван Петров (Варда Тафрали), Гавриил Власий, Фома Кантакузин. Деятельность Альбертусов-Далмацких в России, помимо придворно-церемониальных обязанностей, проявила их книжные интересы. Иван Альбертус стал автором первого в России пособия по математике, представляющего собой перевод с английского языка. Дмитрий Альбертус привлекался к богословским диспутам в период попыток заключения династического брака царевны Ирины Михайловны и датского графа Вальдемара.

Но род Альбертусов-Далмацких не смог выдержать противоборства с обладателями рекомендательной грамоты иерусалимского патриарха Феофана, принявшими православие «турчанами» Алибеевыми-Макидонскими (видимо, албанцами из Янины). В ходе длительного спора на сторону бывших мусульман перешел янычар Дмитрий Палеолог. Он предпочел уйти от родственников-земляков под покровительство более удачливых православных «турчан».

Все эти выходцы претендовали на вхождение в русское привилегированное сословие. Первый Дмитрий Палеолог был в него не допущен, второй — принят, но не удержался. Княжеское достоинство и звание московского дворянина получили члены семьи Альбертусов-Далмацких. Однако их род в России пресекся к середине XVII в., никто из трех братьев не оставил наследников. Во второй половине XVII в. сохранился лишь княжеский род их главных противников — Алибеевых-Макидонских, никакого отношения к Палеологам не имеющих.

Данные о статье

Работа подготовлена при поддержке РГНФ, международный проект КЕРИЕ, № 12–21–14001

Автор: Опарина, Татьяна Анатольевна — кандидат исторических наук, профессор, декан факультета искусствоведения, Академия живописи, ваяния и зодчества Ильи Глазунова, Москва, Россия, t-a-opart@yandex.ru

Заголовок: Алхимик, янычар и «родич византийских царей»: Палеологи в России конца XVI – первой половины XVII в.

Резюме: На основе впервые вводимых в научный оборот архивных источников в статье исследуется присутствие в России иммигрантов, причислявших себя к династии Палеологов. Род последних императоров Византии прервался к началу XVI в., и как раз с этого времени стали появляться многочисленные «потомки». Они были признаны подлинными наследниками императорской фамилии патриархами Христианского Востока, господарями Дунайских княжеств и правителями Западной Европы. Некоторые из них переселялись в Россию, рассчитывая использовать громкое имя для вхождения в привилегированное сословие. Русские власти охотно откликались на подобные просьбы о принятии русского подданства. Однако большинство Палеологов не достигло в России значительного статуса. Один из иммигрантов оказался алхимиком и был сослан в Казань, а его спутник спустя 30 лет ссылки объявил себя прямым потомком Александра Македонского. Другой Палеолог, бывший янычар, не смог удержаться в корпорации московских дворян. Действительные успехи в продвижении в русском обществе делали иные иммигранты: мурзы. Они и их потомки пополняли ряды русской знати.

Ключевые слова: миграция из Османской империи и ее вассальных государств, генеалогия, биография, иноземцы в составе русского привилегированного сословия

Литература, использованная в статье

Белосов, Максим Рудольфович. Иноземцы в боярских списках середины XVII в. // Ученые записки Казанского университета. Сер. Гуманитарные науки. 2014. Т. 156. Кн. 3. С. 55–56.

Каптерев, Николай Федорович. Характер отношения России к Православному Востоку в XVI–XVII столетиях. Сергиев Посад: Типография Св.-Троиц. Сергиевой лавры, 1914. 580 с.

Кошелева, Ольга Евгеньевна; Симонов, Рэм Александрович. Новое о первой русской книге по теоретической геометрии и ее автор // Книга: исследования и материалы. Сб. 42. Москва: Всесоюз. кн. палата, 1981. С. 63–73.

Кобеко, Дмитрий Фомич. Волошский воеводич Степан Александрович // Известия русского генеалогического общества. 1911. Вып. 4. С. 15–17.

Ломизе, Евгений Михайлович. Морейский деспотат и Флорентийская уния // Византия. Средиземноморье. Славянский мир. Москва: МГУ, 1991. С. 110–120.

Матасова, Татьяна Александровна. Софья Палеолог. Москва: «Молодая гвардия», 2016. 301 с.

Оглоблин, Николай Николаевич. Из архива мелочей XVII в. // Исторический вестник. 1889. № 7. С. 210–211.

Опарина, Татьяна Анатольевна. «Исправление веры греков» в русской церкви первой половины XVII в. // Россия и Христианский Восток. Вып. II–III. Москва: «Языки славянской культуры», 2004. С. 288–325.

Опарина, Татьяна Анатольевна. От Царьграда до Мангазеи: сибирская ссылка для «освободителя» Константинополя // Россия и Христианский Восток. Вып. IV–V. Москва: «Языки славянской культуры», 2015. С. 228–246.

Панова, Татьяна Дмитриевна. Великая княгиня Софья Палеолог. Москва: Бриз-К, 2005. 56 с.

Сторожев, Василий Николаевич. Русская история с древнейших времен до Смутного времени. Москва: Типография Т-ва И. Д. Сытина, 1898. Вып. 2. 683 с.

Ульяновский, Василий Иринархович. Православный Восток и Московское царство в начале Смуты: духовные миссии/посольства, проблема восприятия власти, символика даров // Studia Slavica et Balconica Petropolitana. 2012. № 2. С. 55–90.

Флоря, Борис Николаевич. Греки-эмигранты в Русском государстве второй половины XV – начала XVI вв. Политическая и культурная деятельность // Русско-балканские культурные связи в эпоху средневековья. София: Болгарская академия наук, 1982. С. 122–138.

Флоря, Борис Николаевич. Молдавская, валашская и греческая феодальная эмиграция в Русском государстве второй половины XVI – начала XVII вв. // Проблемы источниковедения Молдавии периода феодализма и капитализма. Кишинев: АН МССР; Институт истории им. Я. С. Гросула, 1983. С. 79–81.

- Флоря, Борис Николаевич. Россия, стамбульские греки и начало Кандийской войны // Славяне и их соседи. Греческий и славянский мир в средние века и раннее новое время. Москва: «Индрик», 1996. Вып. 6. С. 174–187.
- Фонкич, Борис Львович. Иерусалимский патриарх Феофан и Россия (Обзор греческих грамот Центрального государственного архива древних актов) // Фонкич, Борис Львович. Греческие рукописи и документы в России в XIV – начале XVIII в. Москва: «Индрик», 2003. С. 411–420.
- Ченцова, Вера Георгиевна. Икона Иверской Богоматери (очерки истории отношений греческой церкви с Россией в середине XVII в. по документам РГАДА). Москва: «Индрик», 2010. 416 с.
- Шватченко, Олег Алексеевич. Историко-географические и демографические аспекты истории землевладения служилых иноземцев в России конца XVI – первой половины XVII в. // Труды Института российской истории. 2008. Вып. 7. С. 273–301.
- Chojnicka, Krystyna. Narodziny rosyjskiej doktyny parstwowej: Zoe Paleolog — między Buzancjum, Rzymem a Moskwa. Kraków: Collegium Columbinum, 2001. 375 p.
- Dostálová, Růžena. Tři dokumenty k pobytu Jakuba Palaeologa v Čechách a na Moravě // Strahovská knihovna: Sborník Památníku národního písemnictví. Praha: Památník národního písemnictví, 1971. Roč. 5–6. S. 331–360.
- Groot, Alexander. The Ottoman Empire and the Dutch Republic. A History of the Earliest Diplomatic Relation 1610–1630. Leiden: Nederlands Historisch-Archaeologisch Instituut Leiden/Istanbul, 1978. 417 p.
- Pirnat, Antal. Jacobus Paleologus // Studia nad arianizmem. Warszawa, 1959. P. 73–129.
- Rothkegel, Martin. Werdegang des Antitrinitariers Jacobus Palaeologus bis 1561: 1. Teil: Frate Jacobo da Scio und seine Anhänger in der Levante // Acta Comeniana: Archiv pro bádání o životě a díle Jana Amose Komenského. = Internationale Revue für Studien über J. A. Comenius und Ideengeschichte der Frühen Zeit. = International Review of Comenius Studies and Early Modern Intellectual History. 2012. Vol. 26. P. 7–68.
- Stoicescu, Nicolae. Dicționar al marilor dregători din Țara Românească și Moldova, sec. XIV–XVII. București: Editura enciclopedică română, 1971. 456 p.
- Szczucki, Lech. J. Paleolog // Odrodzenie i Reformacja w Polsce. T. XI. Warszawa: Państwowe Wydawnictwo Naukowe, 1966. P. 63–91.
- Székely, Maria. Paleologii din Moldova // De potestate. Semne și expresii ale puterii în Evul Mediu românesc. Jassy: Éditions de l'Université «Al. I. Cuza», 2006. P. 525–536.
- Székely, Maria. Structuri de familie în societatea medievală românească // Arhiva genealogică. 1997. Vol. 4. Nr 1–2. P. 70–116.
- Székely, Maria; Gorovei, Ștefan. Maria Asinina Paleologhina. O prințesă bizantină pe tronul Moldovei. Putna: Sfânta Mănăstire Putna; Suceava: Editura Mușatinii, 2006. 289 p.
- Tazbir, Janusz. Die Reformation in Polen und das Judentum // Jahrbucher für Geschichte Ostereuropas. 1983. Bd 31. № 3. P. 375–390.
- Zemek, Petr. Jakub Palaiolog — hledač pravdy // Malovaný kraj. Národopisný a vlastivědný časopis Slovákca. 2003. T. 39. P. 6–7.

Information about the article

Author: Oparina, Tatyana Anatolyevna — Ph. D. in History, Professor, the Dean of the faculty of Fine Arts, Academy of painting, sculpture and architecture, Moscow, Russia, t-a-opart@yandex.ru

Title: The Alchemist, the Janissaries and «relatives of the Byzantine Tsars»: Palaeologus in Russia in the late 16th – first half of the 17th century

Summary: Based for the first time introduced archival sources, this article examines the presence in Russia of immigrants, identify themselves as Palaeologus. Dynasty of the last Emperor of Byzantium was interrupted by the beginning of the 16th century and from that time began to appear numerous «descendants». They were considered the true heirs of the Imperial family by the Christian patriarchs of the East, rulers of Moldavia and Wallachia and Western Europe. Some of them moved to Russia, hoping to use the famous name to enter the privileged class. Russian authorities readily responded to similar requests for Russian citizenship. However, most Palaeologus did not reach a significant status in Russia. One Paleologus turned out to be an alchemist and was exiled to Kazan and his companion after 30 years in exile declared himself a direct descendant of Alexander the Great. Another Paleologus, a former Janissaries, couldn't keep the corporation of Moscow nobility. The real success of the promotion in Russian society made other immigrants: Murzas. They and their descendants joined the ranks of the Russian nobility.

Keywords: Russian-Greek relations, Migration from the Ottoman Empire and its vassal states, genealogy, biography, foreigners in the Russian part of the privileged class

References

- Belousov, Maksim Rudol'fovich. Inozemtsy v boyarskikh spiskakh serediny XVII v. [Foreigners in the boyars' lists in the middle of 17th century], in *Uchenye zapiski Kazanskogo universiteta. «Humanitarian Sciences» Series*. 2014. Vol. 156. Book 3. P. 55–56 (in Russian).
- Chentsova, Vera Georgievna. *Ikona Iverskoy Bogomateri (ocherki istorii otnosheniy grecheskoy tserkvi s Rossiei v seredine XVII v. po dokumentam RGADA)* [The icon of the Iverian Mother of God (Essays on the history of the relations of the Greek Church of Russia in the middle of 17th century according to the documents of the Russian State Archive of Ancient Documents (RGADA))]. Moscow: «Indrik» Publ., 2010. 416 p. (in Russian).
- Chojnicka, Krystyna. *Narodziny rosyjskiej doktryny pamstwowej: Zoe Paleolog — między Buzancjum, Rzymem a Moskwa* [The Origin of Russian doktryny State: Zoe Paleologus — between Buzancjum, Rome and Moscow]. Kraków: Collegium Columbinum, 2001. 375 p. (in Polish).
- Dostálová, Růžena. Tři dokumenty k pobytu Jakuba Palaeologa v Čechách a na Moravě [Three documents to reside James Palaeologi in Bohemia and Moravia], in *Strahovská knihovna: Sborník Památníku národního písemnictví*. Praha: Památník národního písemnictví, 1971. Vol. 5–6. P. 331–360 (in Czech).
- Florya, Boris Nikolaevich. Greki-emigranty v Russkom gosudarstve vtoroy poloviny XV – nachala XVI vv. Politicheskaya i kul'turnaya deyatel'nost' [The Greeks-immigrants in the Russian state in the second half of 15th – beginning of 16th centuries. The Political and cultural activities], in *Russko-balkanskiye kul'turnye svyazi v epokhu srednevekov'ya*. Sofia: Bulgarian Academy of Sciences Press, 1982. P. 122–138 (in Russian).
- Florya, Boris Nikolaevich. Moldavskaya, valashskaya i grecheskaya feodal'naya emigratsiya v Russkom gosudarstve vtoroy poloviny XVI – nachala XVII vv. [Moldavian, Wallachian and Greek feudal emigration in the Russian state in the second half of 16th – early 17th centuries], in *Problemy istochnikovedeniya Moldavii perioda feodalizma i kapitalizma*. Kishinev: Academy of Sciences of the Moldavian Soviet Socialist Republic; Ya. S. Grosul Institute of History Press, 1983. P. 79–81 (in Russian).
- Florya, Boris Nikolaevich. Rossiya, shtambul'skiye greki i nachalo Kandiyskoy voyny [Russia and Istanbul Greeks at the beginning of the Kandy war], in *Slavyane i ikh sosedi. Grecheskiy i slavyanskiy mir v srednie veka i rannee novoe vremya*. Moscow: «Indrik» Publ., 1996. Vol. 6. P. 174–187 (in Russian).
- Fonkich, Boris L'vovich. Ierusalimskiy patriarkh Feofan i Rossiya (Obzor grecheskikh gramot Tsentral'nogo gosudarstvennogo arkhiva drevnikh aktov) [Patriarch Theophanes of Jerusalem and Russia (Survey of Greek diplomas of the Central state archive of ancient acts)], in Fonkich, Boris L'vovich (ed.). *Grecheskie rukopisi i dokumenty v Rossii v XIV – nachale XVIII v.* Moscow: «Indrik» Publ., 2003. P. 411–420 (in Russian).
- Groot, Alexander. *The Ottoman Empire and the Dutch Republic. A History of the Earliest Diplomatic Relation 1610–1630*. Leiden: Nederlands Historisch-Archaeologisch Instituut Leiden/Istanbul Press, 1978. 417 p.
- Kapterev, Nikolay Fedorovich. *Kharakter otnosheniya Rossii k Pravoslavnomu Vostoku v XVI–XVII stoletiyakh* [The relationship of Russia to the Orthodox East in the 16th–17th centuries]. Sergiev Posad: The Holy Trinity Lavra of St. Sergius Print., 1914. 580 p. (in Russian).
- Kobeko, Dmitriy Fomich. Voloshskiy voevodich Stepan Aleksandrovich [Voevodich of Volahia Stepan Alexandrovich], in *Izvestiya russkogo genealogicheskogo obshchestva*. 1911. Vol. 4. P. 15–17 (in Russian).
- Kosheleva, Ol'ga Yevgen'evna; Simonov, Rem Aleksandrovich. Novoe o pervoy russkoy knige po teoreticheskoy geometrii i ee avtor [New about the first Russian book on the theory of geometry and its author], in *Kniga: issledovaniya i materialy*. Vol. 42. Moscow: All-Union Book Chamber Publ., 1981. P. 63–73 (in Russian).
- Lomize, Yevgeniy Mikhaylovich. Moreyskiy despotat i Florentiyskaya uniya [The despotate of the Morea and the Union of Florence], in *Vizantiya. Sredizemnomor'ye. Slavyanskiy mir*. Moscow: Moscow State University Press, 1991. P. 110–120 (in Russian).
- Matasova, Tat'yana Aleksandrovna. *Sofya Paleolog* [Sophia Palaeologus]. Moscow: «Molodaya gvardiya» Publ., 2016. 301 p. (in Russian).
- Ogloblin, Nikolay Nikolayevich. Iz arkhiva melochei XVII v. [The archive of the minutiae of the XVII century], in *Istoricheskii vestnik*. 1889. № 7. P. 210–211 (in Russian).
- Oparina, Tat'yana Anatol'evna. «Ispravlenie very grekov» v russkoy tserkvi pervoy poloviny XVII v. [«Purification the faith of the Greeks» in the Russian Church the first half of the 17th century], in *Rossiya i Khristianskiy Vostok*. Vol. II–III. Moscow: «Languages of Slavic culture» Publ., 2004. P. 288–325 (in Russian).

- Oparina, Tat'yana Anatol'evna. Ot Tsar'grada do Mangazei: sibirskaya sylvka dlya «osvoboditelya» Konstantinopolya [From Constantinople to Mangazeya Siberian exile for «liberator» of Constantinople], in *Rossiya i Khristianskiy Vostok*. Vol. IV–V. Moscow: «Languages of Slavic culture» Publ., 2015. P. 228–246 (in Russian).
- Panova, Tat'yana Dmitrievna. *Velikaya knyaginya Sof'ya Paleolog* [Grand Duchess Sophia Palaeologus]. Moscow: «Briz-K» Publ., 2005. 56 p. (in Russian).
- Pirnat, Antal. Jacobus Paleologus [Jacob Paleologus], in *Studia nad arianizmem*. Warszawa, 1959. P. 73–129 (in Polish).
- Rothkegel, Martin. Werdegang des Antitrinitariers Jacobus Palaeologus bis 1561: 1. Teil: Frate Jacobo da Scio und seine Anhänger in der Levante [Career of anti-Trinitarian Jacobus Palaeologus to 1561: Part 1. Frate Jacobo da Scio and his followers in the Levant], in *Acta Comeniana: International Review of Comenius Studies and Early Modern Intellectual History*. 2012. Vol. 26. P. 7–68 (in German).
- Shvatchenko, Oleg Alekseevich. Istoriko-geograficheskie i demograficheskie aspekty istorii zemlevladieniya sluzhilykh inozemtsev v Rossii kontsa XVI – pervoi poloviny XVII v. [Historical-geographical and demographic aspects of the history of land tenure of foreigners in Russia in the late 16th – first half of 17th century], in *Trudy Instituta rossiyskoy istorii*. 2008. Vol. 7. P. 273–301 (in Russian).
- Stoicescu, Nicolae. *Dicționar al marilor dregători din Țara Românească și Moldova, sec. XIV–XVII* [Dictionary of the great rulers of the Romanian country and Moldova, sec. XIV–XVII]. București: Editura enciclopedică română, 1971. 456 p. (in Romanian).
- Storozhev, Vasilii Nikolaevich. *Russkaya istoriya s drevneishikh vremen do Smutnogo vremeni* [Russian history from ancient times to the Time of Troubles]. Moscow: I. D. Sytin Partnership Print., 1898. Vol. 2. 683 p. (in Russian).
- Szczucki, Lech. J. *Paleolog* [Paleologus], in *Odrodzenie i Reformacja w Polsce*. T. XI. Warszawa: Państwowe Wydawnictwo Naukowe, 1966. P. 63–91 (in Polish).
- Székely, Maria. Paleologii din Moldova [Paleologhies in Moldova], in *De potestate. Semne și expresii ale puterii în Evul Mediu românesc*. Jassy: Éditions de l'Université «Al. I. Cuza», 2006. P. 525–536 (in Romanian).
- Székely, Maria. Structuri de familie în societatea medievală românească [Family structures in Romanian medieval society], in *Arhiva genealogică*. 1997. Vol. 4. Nr 1–2. P. 70–116 (in Romanian).
- Székely, Maria; Gorovei, Ștefan. *Maria Asinina Paleologhina. O prințesă bizantină pe tronul Moldovei* [Maria Asanina Paleologhina. A Byzantine princess throne]. Putna: Sfânta Mănăstire Putna; Suceava: Editura Mușatinii, 2006. 289 p. (in Romanian).
- Tazbir, Janusz. Die Reformation in Polen und das Judentum [The Reformation in Poland and Judaism], in *Jahrbrucher für Geschichte Ostereuropas*. 1983. Bd 31. № 3. P. 375–390 (in German).
- Ulyianovskiy, Vasilii Irinarkhovich. Pravoslavnyj Vostok i Moskovskoe tsarstvo v nachale Smuty: dukhovnye missii/posol'stva, problema vospriyatiya vlasti, simbolika darov [The Orthodox East and Muscovy in the beginning of the Time of Troubles: the church Embassies, the problem of perception of the power, the symbolism of the gifts], in *Studia Slavica et Balcanica Petropolitana*. 2012. № 2. P. 55–90 (in Russian).
- Zemek, Petr. Jakub Palaiolog — hleďač pravdy [Jakub palaiologou — seeker of truth], in *Malovaný kraj. Národopisný a vlastivědný časopis Slovákka*. 2003. Vol. 39. P. 6–7 (in Slovak).